Сергей Федин

Необычайные расследования Борга и Одингота

Занимательные детективные задачи на внимание и логику

ИЛЕКСА

Сергей Федин

Необычайные расследования Борга и Одингота

Занимательные детективные задачи на внимание и логику

Москва
ИЛЕКСА
2017

Карты в руки

Послеобеденная прогулка была одним из пунктиков комиссара Босси. Каждый раз он выбирал новый маршрут, досконально изучив в итоге все окрестности полицейского управления. Неизменным оставался лишь спутник любителя променада, инспектор Борг, неспешные беседы с которым благотворно сказывались на пищеварении комиссара полиции.

На этот раз череда извилистых переулков вывела обоих на неприметную улочку под элегическим названием «Тихий омут».

— А вот здесь, — вынув сигару изо рта, комиссар ткнул ею перед собой, — расположена штаб-квартира одной новой, но быстро растущей политической партии.

Босси тонко улыбался.

Прямо перед ними красовался помпезный особняк с двумя выпирающими, как бюст молочницы, круглыми балконами. Через все здание тянулся броский плакат, на котором аршинными буквами было написано:

ПАРТИЯ ОБМАНУТЫХ ВКЛАДЧИКОВ

ВСТУПАЙТЕ В НАШИ РЯДЫ, И МЫ ВЕРНЕМ ВАМ ВАШИ ДЕНЬГИ И НАДЕЖДУ НА БУДУЩЕЕ!

Чуть ниже мелким шрифтом было добавлено: «Вступительный взнос — всего 50 доблей».

— Да-а, — засмеялся Борг, увидев эту приманку, — верно говорят, что нет такого обманутого вкладчика, которого нельзя было бы обмануть во второй раз.

— А как вы думаете, инспектор, — комиссар снова засунул потухшую сигару в рот, — кого на свете больше, дураков или обманутых?

— Конечно, обманутых, — не задумываясь, ответил Борг.

— Но почему же?

— Да потому, что каждый дурак бывает рано или поздно обманут.

— Выходит, — не унимался Босси, — если создать еще и партию дураков, то обманутые все-таки победят их на выборах.

— Обманутые никогда не выигрывают, — печально вздохнул Борг и тут же остановился,

Прямо перед ними красовался помпезный особняк с двумя выпирающими, как бюст молочницы, круглыми балконами. Через все здание тянулся броский плакат, на котором аршинными буквами было написано:

ПАРТИЯ ОБМАНУТЫХ ВКЛАДЧИКОВ

ВСТУПАЙТЕ В НАШИ РЯДЫ, И МЫ ВЕРНЕМ ВАМ ВАШИ ДЕНЬГИ И НАДЕЖДУ НА БУДУЩЕЕ!

Чуть ниже мелким шрифтом было добавлено: «Вступительный взнос — всего 50 доблей».

— Да-а, — засмеялся Борг, увидев эту приманку, — верно говорят, что нет такого обманутого вкладчика, которого нельзя было бы обмануть во второй раз.

— А как вы думаете, инспектор, — комиссар снова засунул потухшую сигару в рот, — кого на свете больше, дураков или обманутых?

— Конечно, обманутых, — не задумываясь, ответил Борг.

— Но почему же?

— Да потому, что каждый дурак бывает рано или поздно обманут.

— Выходит, — не унимался Босси, — если создать еще и партию дураков, то обманутые все-таки победят их на выборах.

— Обманутые никогда не выигрывают, — печально вздохнул Борг и тут же остановился,

с интересом разглядывая оживленную кучку людей на углу особняка. — Любопытно, что там происходит?

Подойдя ближе, сыщики увидели долговязую фигуру в немыслимом пиджаке, окруженную толпой зевак. Вкрадчиво, но отчетливо «пиджак» что-то внушал невидимому собеседнику, стоящему перед ним:

— Вам опять не повезло, дорогой друг. Видимо, звезды сегодня играют против вас. Но, может быть, — голос долговязого стал почти ласковым, — вы попробуете еще раз? Сорок доблей это не так уж и много.

— А-а, все понятно, — вяло махнул пухлой рукой комиссар, не желающий выходить из гастрономического транса. — Пойдемте, инспектор. Это всего лишь очередной жулик, дурачащий очередную жертву.

— Но я все-таки хочу посмотреть на этого простофилю. — Борг протиснулся чуть ближе к месту действия.

— Эх, была не была! — донесся до боли знакомый голос жертвы. — Попробую еще раз!

— Ба! Да это же сержант Глум! — от удивления сигара выпала изо рта Босси. — Бог ты мой, сколько же наивных дураков работает у нас в полиции!

— Тише, тише, — прошипел инспектор, придвигаясь еще ближе и увлекая за собой туч-

ного комиссара. — Давайте посмотрим на само представление.

Из-за спин зрителей они увидели Глума (это был действительно он) и долговязого, разделенных лишь небольшим складным столиком. В чутких артистичных руках последнего трепетала тонкая колода карт.

— Итак, — голос мошенника, стоящего спиной к стенке здания, торжественно зазвенел, — напоминаю вам условия нашей игры. Вы берете эту колоду, тасуете ее, вытаскиваете карту, запоминаете, кладете обратно и снова тасуете. И заметьте, — долговязый медленно обвел присутствующих пронзительным взглядом, чуть дольше задержавшись на бесстрастном лице инспектора Борга, — все это вы делаете сами, без моего участия! Теперь самое главное: если после всего этого я смогу определить нужную карту, ваши деньги, — прохвост плотоядно улыбнулся, — становятся моими, если же нет — возвращаются к вам в тройном размере. Вы согласны?

— Да, да, — нетерпеливо поддакнул Глум, завороженно глядя на карты.

— Тогда приступайте.

Колода тут же перекочевала в руки Глума. Быстрыми ловкими движениями (и где только научился, подозрительно мелькнуло в голове у комиссара Босси) сержант тщательно перемешал карты.

— Теперь кладите ее на столик, — рявкнул долговязый. Глум тут же повиновался. — Тяните карту. — Зачем-то оглянувшись по сторонам, сержант вытащил одну карту и тут же прижал ее к груди.

— Теперь давайте поменяемся местами. Идите сюда, к стенке, чтобы никто не подсматривал. В том числе, — долговязый широко улыбнулся, — и мои возможные помощники.

Обойдя столик, Глум послушно встал на его место.

— Теперь посмотрите и запомните вашу карту, затем верните ее в колоду и снова перетасуйте.

Сержант сделал все, что требовалось, и положил колоду на столик.

— А теперь внимание! — долговязый взял колоду и молниеносным движением выложил все карты в ряд лицом вверх (здесь только 15 карт из 36, мысленно отметил про себя Борг). Далее, сделав зверское выражение лица, он стал медленно вести рукой над картами. Над пятой картой рука дрогнула и остановилась. Все затаили дыхание.

— Вот она! — зловеще произнес долговязый и поднял глаза на побледневшего Глума. — Шестерка треф!

— Точно! — с досадой и восхищением произнес сержант, с неохотой доставая проигранные деньги.

В толпе зевак зааплодировали. Долговязый шулер самодовольно раскланялся, а Глум растерянно оглянулся вокруг и наконец-то увидел коллег по работе:

— Инспектор Борг! — радостно заорал он. — Комиссар Босси!!! Что вы тут делаете?

— Нет, что вы тут делаете? — грозно насупился Босси.

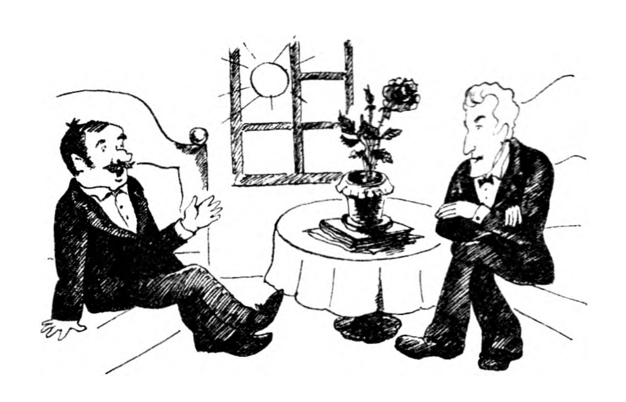
— Да сам не знаю, что это на меня нашло, — расстроенно вздохнул сержант, то и дело ощупывая опустевший карман с деньгами. — Только полный идиот мог наступить на эти грабли дважды.

— Ну, к вам это не относится, — успокоил беднягу Борг. — Ведь вы наступили на них по крайней мере три раза. Жаль только, что вы попались на этот трюк.

— Так, значит, это все-таки надувательство? — вскипел Глум, сжимая кулаки.

— Нет, нет, успокойтесь, — улыбнулся инспектор. — Никаких крапленых карт, зеркал и сообщников. Все без обмана. Это просто фокус. Дело в том, что...

Что имел в виду инспектор Борг?

Незваные гости

— Ох, и вымотался же я в этом чертовом казино! — пробурчал сержант Глум, открывая дверь подъезда. После бессонной ночи, проведенной по заданию комиссара полиции в казино «Люкс», он и впрямь выглядел неважно. — До сих пор руки трясутся от этих фишек и...

— И жадности, — вставил инспектор Борг, поднимаясь вслед за сержантом по лестнице. — Вы очень боялись, с одной стороны, просадить казенные деньги, а с другой — ничего не выиграть.

— Да ну вас, инспектор, — вяло отмахнулся Глум. — Вечно вы надо мной издеваетесь. Просто я хотел сказать, что тяжело одновременно следить за своей рулеткой, да еще и за Красавчиком Белью за соседним столиком.

— Мне кажется, вы больше следили за его шикарной подругой, — усмехнулся Борг, но, увидя обиженное лицо сержанта, переменил тему разговора. — Впрочем, главное сделано. Мы выяснили то, что хотели, и, если ничто не помешает, завтра можно будет брать Белью вместе с его шайкой мошенников.

— А что нам может помешать? — искренне удивился Глум. Он уже открывал дверь конспиративной квартиры, приютившей обоих сыщиков на время командировки. — В этом городе нас никто не знает.

— Ну, если не считать местного детектива Спая, того, который вчера отвез нас сюда прямо с вокзала. — Борг всегда любил точность.

— Ну и крохобор же вы, инспектор! Ладно, входите. — Сержант широким жестом впустил Борга в квартиру и теперь сладко жмурился, предвкушая манящую негу кровати. — Хорошо еще, что никто из наших ребят в управлении не увидит меня в этом проклятом фраке. — Сержант потянулся, с трудом подавляя зевоту. — То-то было бы смеху!

— Да уж, — согласился Борг, пристально оглядывая крохотную комнату с двумя кроватями и единственным оконцем, щедро залитую солнцем. — Сержант Глум во фраке — это действительно смешно.

— Ну, ничего, — сержант уже расстегивал фрак, невольно любуясь купленной им вчера

и только что распустившейся красивой и высокой розой в горшке. — Завтра покончим с бандой Белью и — домой.

— Боюсь, нам придется задержаться на пару дней, — Борг был не на шутку встревожен, — чтобы добавить к этой милой компании и Спая.

— Спая? — Глум даже подпрыгнул от неожиданности. — За решетку?! Но почему?

— Потому что в нашей квартире кто-то побывал и совсем недавно, а знал об этой квартире и нашем здесь пребывании только он. Думаю, что он подкуплен Белью и работает на два фронта.

— Но с чего вы взяли, что здесь кто-то побывал в наше отсутствие? — Сержант растерянно огляделся. — Вроде бы все на месте. Все точно так же, — добавил он уже увереннее, — как и вчера, когда мы уходили на дело. Так же аккуратно лежат мои вещи на моей кровати, в том же беспорядке валяются ваши вещи на вашей кровати, так же стоит наша посуда на столике. И даже стопка ваших бумаг и тетрадей под цветочным горшком лежит точно так же, как и вчера.

— Да, все это так, — улыбнулся инспектор, — тем более, что мне известно про вашу фотографическую память. Но вы не заметили одной маленькой детали.

Какую именно деталь имел в виду инспектор Борг?

Ограбление коллекционера

— Нет, как я мог такое допустить?! О, какое несчастье! Почему, ну почему я не нанял охранника? — маленький всклокоченный человечек с огромным синяком под правым глазом бегал взад и вперед по огромной комнате, уставленной антикварной мебелью, то и дело издавая горестные восклицания.

— Успокойтесь! — поморщился инспектор Борг, вызванный вместе с сержантом Глумом на квартиру господина Голдау, известного коллекционера марок, для расследования ограбления. Пропала бесценная коллекция. — Лучше расскажите, как это все случилось.

— Хорошо. — Человечек остановился и неожиданно успокоился. — Час назад я вышел из квартиры, чтобы отвезти на международную филателистическую выставку, прово-

димую нашим Культурным Центром, свою уникальную коллекцию марок прошлого века. Машина с присланным Центром шофером уже ждала меня внизу.

— Коллекция была застрахована? — коротко бросил Борг, пристально вглядываясь в разукрашенное лицо господина Голдау.

— Да, конечно. И на очень приличную сумму. Но разве можно заменить то, что собирал всю жизнь, деньгами? — Лицо несчастного исказило отчаяние. — Вы никогда не сможете понять, что это значит для настоящего коллекционера! Это была цель моей жизни... Теперь все рухнуло...

Он отвернулся к окну, не в силах продолжать далее.

— Ну и что же было дальше? — выждав минуту, спросил Борг.

— Лифт почему-то не работал, — продолжал со вздохом коллекционер, — поэтому я стал спускаться по лестнице. Навстречу мне, держась одной рукой за перила, а другой прижимая к себе зонтик, поднимался коренастый человек невыразительной наружности. Каюсь, я совершенно не обратил на него внимания. Он же, поравнявшись со мной, внезапно резко ударил меня кулаком в лицо. И хотя рука была в перчатке, удар был настолько сильным, что я сразу упал на спину.

— Наверняка у подонка был кастет под перчаткой, — вставил со знанием дела сержант Глум.

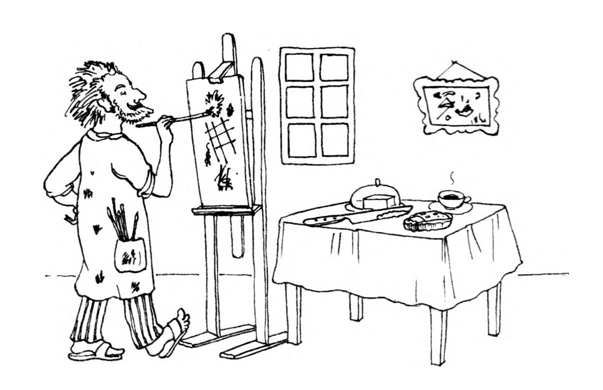
— Н-не знаю, — растерянно пожал плечами всклокоченный человечек. — Знаю только, что я упал и от неожиданности кейс с коллекцией выпал у меня из рук. Этот негодяй тут же схватил его, кинув на ступеньки зонтик, и бросился бежать вниз. Наполовину оглушенный, я попытался подняться, но в голове у меня так шумело, что я тут же сел на ступеньку, чтобы прийти в себя... Так что этот синяк, — Голдау со страдальческим выражением прикоснулся к багровому пятну на щеке, — и зонтик — все, что у меня осталось на память о встрече с преступником.

— Да, инспектор, — опять вставил Глум, — я тщательно изучил зонтик. Ничего интересного, вот только...

— Подождите! — нетерпеливо перебил его Борг и тут же обратился к безутешному коллекционеру. — Боюсь, что я вас огорчу еще больше — страховку вы не получите. А что касается коллекции, то вы лучше нас знаете, где она находится.

— Инспектор! — простодушное лицо сержанта вытянулось от изумления. — Почему вы не верите господину Голдау?

А действительно, почему Борг не поверил коллекционеру?

Прерванный завтрак

— И почему они всегда бегут именно в наше дежурство? — сокрушался сержант Глум, подпрыгивая на жестком сиденье полицейской машины. — Почему бы этому гнусному Однорукому Гоу не устроить побег завтра? — В очередной раз вспомнив недосмотренный боевик, Глум тяжело вздохнул.

— Не расстраивайтесь, старина! — утешил его инспектор Борг и, словно угадав мысли сержанта, добавил: — Да и фильм, который мы с вами смотрели, честно говоря, был так себе.

К тому же дело у нас на пять минут. Заскочим к брату-художнику Однорукого Гоу, ненавязчиво проверим, нет ли там Гоу-старшего, и… обратно в управление.

— Да, конечно, — саркастически ухмыльнулся Глум, — ждите! Неужели Однорукий Гоу такой дурак, чтобы, сбежав из тюрьмы, тут же рвануть к своему единственному родственнику, где он будет заметен, как клоп на перине?

— Всякое бывает, — уклончиво ответил инспектор. — Иногда умнее всего поступить глупо, так, как никто не ожидает. Но в одном вы правы: Однорукий Гоу совсем не дурак. И попался всего два раза в жизни. Первый раз — еще в юности; именно тогда один свирепый фермер, поймавший его на краже, отрубил ему кисть правой руки. И второй раз — три года назад.

— Чтобы он ... — начал было сержант, но резкий скрип тормозов не дал ему закончить фразу. Машина дернулась и остановилась.

— Приехали, — обернулся к сыщикам водитель и махнул рукой в сторону двухэтажного здания. — Вот дом, который вам нужен.

Через несколько минут инспектор уже разговаривал с Гоу-младшим, косматым субъектом в перепачканном красками халате. На единственном в просторной комнате столике аппетитно дымилась чашка с кофе, рядом с толстым бутербродом лежал испачканный

маслом нож. На стоящем невдалеке мольберте красовалась загадочная картина, изображающая какие-то разноцветные кляксы за неким подобием тюремной решетки.

— Так вы, стало быть, увлекаетесь абстрактной живописью? — начал Борг, силясь вникнуть в содержание картины.

— Да, — гордо ответил Гоу-младший и, подойдя к холсту, добавил еще пару малиновых клякс к своему шедевру. — Эту картину я как раз посвятил своему несчастному брату, отбывающему десятилетний срок в тюрьме. Она называется «Безнадежность № 4».

— Очень точное название, — двусмысленно похвалил инспектор и тут же резко добавил: — Сегодня утром ваш брат бежал.

— Бежал?! Из центральной тюрьмы? — Казалось, нечесаная грива Гоу-младшего зашевелилась от удивления.

— Да, и у нас есть подозрение, что он скрывается здесь.

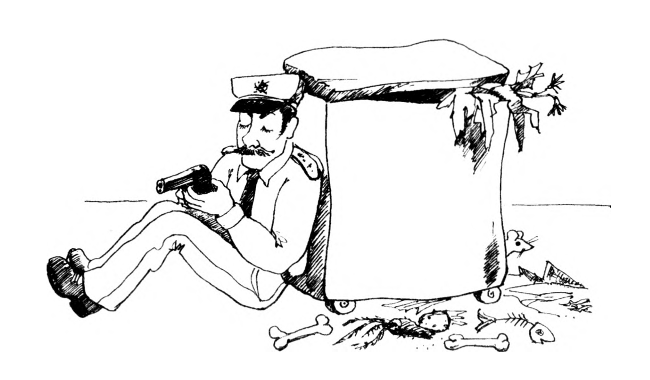
— У меня? Да вы с ума сошли! Я уже три дня сижу один в студии и никого не видел за это время.

— И правда, инспектор, пойдемте отсюда, — вмешался Глум. — Ясно ведь, что парень не врет. Кроме этого гения, здесь никого нет, даже тараканов.

— А я уверен, что Однорукий Гоу здесь и только что завтракал, — не унимался инспектор.

— Да с чего вы это взяли? — удивился сержант. — Мы же здесь всего две минуты.

И в самом деле, как инспектор Борг догадался, что художник лжет?

Смертельный сон

Наружное наблюдение за объектом, или попросту слежка, всегда выводило из себя сержанта Глума. Его энергичная натура не выносила многочасового ожидания в засаде или ночных бдений в холодных подъездах.

Вот и сейчас, изнемогая от бездействия, он то и дело откладывал в сторону газету, исподтишка бросая нетерпеливые взгляды в сторону подъезда на другой стороне улицы. Уже третий час они с инспектором Боргом «плавились» под июньским солнцем за пластмассовым столиком летнего кафе, безуспешно дожидаясь, когда известный авантюрист Раф Карлино по кличке Туз выйдет наконец от своей подружки.

— Я не понимаю! — взорвался Глум, заказав пятую чашечку кофе у проносившегося мимо официанта. — Ну о чем можно так долго говорить с женщиной, да еще такой глупой!

— Друг мой, — взгляд Борга слегка затуманился, — именно с глупыми женщинами предпочитают общаться умные мужчины. Но вы не волнуйтесь: если есть нора, из нее рано или поздно кто-нибудь выйдет. К тому же, — Борг был как всегда спокоен, — излишне нервничать на нашей работе опасно для жизни.

— Вы опять шутите? — сержант подозрительно покосился на Борга.

— Даже и не думал, — инспектор расстегнул еще одну пуговицу на своей рубашке. — Хотите я вам расскажу про то, как наш агент «сгорел» во время слежки из-за своей чрезмерной впечатлительности?

— Валяйте, — сержант был рад любой возможности развеять скуку и убить время.

— Тогда слушайте, — Борг откинулся на спинку жесткого стула, с наслаждением вытянув длинные ноги. — Лет двадцать назад в нашем управлении работал детектив Чанк, которому однажды пришлось в одиночку вести слежку за Душителем Лео Голавски. Было известно, что Лео вооружен и готов на все, поэтому Чанк сильно нервничал. И вот в тот самый момент, когда напряжение достигло апогея,

Чанк неожиданно потерял Душителя. Нервы детектива были на пределе — в любой момент на него мог броситься не знающий жалости убийца. Озираясь, он стоял среди каких-то подозрительных и жалких лачуг в самом мрачном районе города.

— И тут, — инспектор выдержал эффектную паузу, — из-за туч выглянуло солнце, и перед Чанком на землю упала похожая на человека тень стоящего сзади дерева. Потрясение было таким сильным, что бедняга умер на месте от разрыва сердца.

— Да, неопытный был сыщик, — успокаивая сам себя, натужно улыбнулся Глум. — Но я-то слышал эту историю совсем в другом виде. Мне рассказал ее в первый год службы мой напарник сержант Лайерс.

— Помню, помню, — улыбнулся инспектор Борг. — Колоритный был старик, но у него был один серьезный недостаток.

— Какой еще недостаток? — удивился Глум.

— Я вам потом расскажу. Давайте свой вариант.

— Хорошо. Ну, значит, дело было так. Чанк на самом деле держал на крючке Душителя Лео и ровно сутки без сна и отдыха не упускал его из виду. Поэтому когда этот мокрушник стал что-то долго выкапывать на пустыре

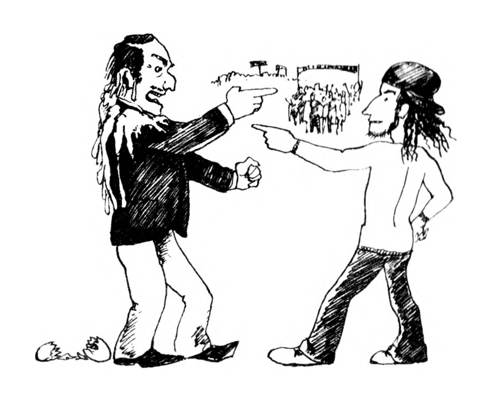
в трущобах Гронкса, то Чанка — он прятался за каким-то мусорным баком — от всего этого напряга и от усталости сморило, и он на минуту заснул. И тут ему приснилось, что он — как и на самом деле — прячется за мусорным баком, выслеживая озверевшего Душителя Лео. И что Душитель заметил слежку и метнул в Чанка свой знаменитый зазубренный нож. И, надо же так случиться, как раз в ту же секунду, когда нож должен был вонзиться в горло Чанка, в это самое место — но уже на самом деле! — врезался огромный жук или что-то в этом роде. Бедняга Чанк не перенес такого шока и рухнул прямо на кучу каких-то объедков.

— Да, — выслушав эту мрачную историю, снова повторил инспектор, — старина Лайерс и впрямь был очень колоритной фигурой, вот только один недостаток...

— Да что вы заладили про этот недостаток? — не выдержал Глум. — Что вы имеете в виду?

— Ничего особенного, — Борг вовсю улыбался. — Просто сержант Лайерс очень любил приврать.

Почему инспектор Борг не поверил истории, рассказанной Глумом?

Тухлая репутация

— Мы никому и ничему не верим! Мы никого и ничего не боимся! Мы никого и ничего не просим! Мы требуем! Полной отмены бездарных законов! Полной смены разжиревшей власти! Полного отчета за расхищенные богатства!

Раскаленные фразы падали в подогретую пивом толпу, словно блины на сковородку. Нестор Совракис, лидер партии виртуальных анархистов и один из кандидатов в мэры, явно был в ударе.

— Каждому по потребностям, — вновь закричал он в микрофон, отчаянно размахивая руками, — вот девиз нашей партии! Каждой женщине дом, семью и стереотелевизор! Каждому мужчине пиво, женщину и последнюю

модель «Запорседеса»! Голосуйте за меня, и скоро у вас все это будет! Помогите мне на выборах завтра, и я вам помогу послезавтра! Все за Совракиса!!

Последние слова кандидата утонули в одобрительном реве толпы. В воздух полетели пивные жестянки, кепки и партийные флажки с яркой эмблемой. Тысячи глоток, перекрывая друг друга, завопили: «За Совракиса!...»

И только две неприметные фигурки где-то на окраине толпы, запрудившей площадь Контрреволюции, казалось, не принимали участия в этой вакханалии. Инспектор Борг и сержант Глум совершенно случайно затесались на этот предвыборный митинг, и теперь каждый по-своему реагировали на пламенную речь кандидата в мэры.

— Обратите внимание, сержант, — задумчиво заметил Борг, с любопытством разглядывая мечущего молнии Совракиса, — на очень высокий темп речи и чрезмерную жестикуляцию оратора. Явные признаки проходимца.

— Парень он, конечно, ловкий, — согласился Глум, — на лету комара обреет. Но, с другой стороны, — тут сержант вспомнил все то, что Совракис гарантировал каждому мужчине, — он обещает вполне реальные вещи.

— Дорогой мой, — Борг еле заметно улыбнулся, — обещания — это хлеб политиков. Вот

вы лучше посмотрите, что пишет про Совракиса во вчерашнем «Обозревателе» наш мэр. — Инспектор вынул из кармана сложенную вдвое газету.

— Ну да, — скептически ухмыльнулся сержант, но газету взял, — а этот ваш мэр обещает что-нибудь другое. Кому верить?

И как раз в этот момент в толпе произошло какое-то движение, шум усилился. Обернувшись к трибуне, сыщики увидели рассвирепевшего Совракиса, тычущего вниз пальцем, и бросившихся в гущу людей охранников. Правое плечо анархиста № 1 было забрызгано чем-то желтым.

— Вот он! Вот он! — истошно кричал Совракис. — В красной кепке!

Толпа забурлила и придвинулась к трибуне.

— Чувствую, без нас не обойтись. — Энергично работая локтями и то и дело выкрикивая: «Дорогу! Полиция!», сержант ринулся к трибуне. Обреченно вздохнув, инспектор последовал за ним.

Через минуту сыщики добрались до Совракиса. Охранники уже выдернули из толпы какого-то тщедушного человечка в красной кепке, надетой задом наперед, и теперь он, зажатый их могучими телами, стоял перед разъяренной жертвой покушения.

— Это ты, Айрис! — истерично закричал политик, размахивая кулаками перед носом «террориста». — Я узнал тебя еще во время выступления. Я все время смотрел на тебя! Я...

— Простите, господин Совракис, — мягко, но настойчиво вмешался Борг, прервав не на шутку разошедшегося Совракиса. — Я инспектор Борг из полиции. Объясните, пожалуйста, что тут произошло.

— А, инспектор! — возбужденно обернулся к сыщику кандидат в мэры. — Вы как раз кстати. — Лицо Совракиса тут же приняло профессионально любезное выражение. — Я надеюсь, вы упечете этого подонка за решетку минимум на год.

— Вы знаете этого господина?

— О, да, — Совракис плотоядно улыбнулся, — еще бы не знать! Это Айрис Непер, с которым пять лет назад мы организовали партию виртуальных анархистов. А месяц назад он предал нашу идею и после шумного скандала был исключен из партии.

— Это ложь! — возразил Айрис. — Это ты предал нашу идею!

— Я думаю, вопрос о том, кто кого предал, уведет нас в сторону, — снова вмешался Борг.

— Вы правы, — Совракис с презрением отвернулся от своего бывшего товарища по партии, — тем более, что предал именно он...

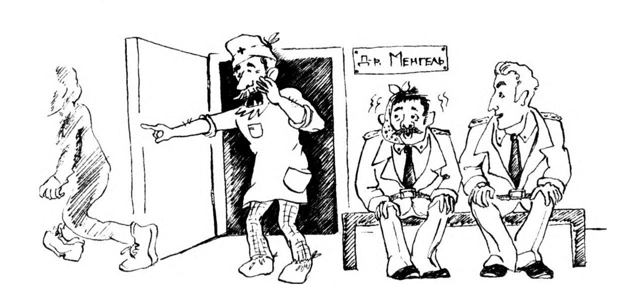
В общем, когда минут десять назад я заметил этого негодяя прямо перед собой, в пяти метрах от трибуны, то сразу насторожился и поэтому все время смотрел на него, ожидая какой-нибудь гадости. И я, как всегда, оказался прав. Только что, когда я произносил очередной лозунг, я увидел, как этот предатель быстро взмахнул рукой, и почти сразу почувствовал сильный удар в голову, от которого чуть не потерял сознание. Слава Богу, мне хватило сил указать охране преступника.

— Судя по цвету и запаху, — инспектор непроизвольно поморщился, — в вас попали тухлым яйцом.

— Какое это имеет значение? — раздраженно огрызнулся Совракис, ожесточенно стирая влажной салфеткой большое желтое пятно на виске. — Ваше дело упечь Айриса Непера за решетку, а не интересоваться его кулинарными пристрастиями.

— Насчет яиц вы, пожалуй, правы. Это действительно не так уж важно. А вот в отношении вашего бывшего соратника, боюсь, вы сильно ошибаетесь, и его придется отпустить.

Почему инспектор Борг решил, что Айрис Непер невиновен?

Зуб за зуб

— А вы уверены, что это хороший врач? — в который уже раз спросил сержант Глум, напряженно прислушиваясь к стонам и жужжанию, доносившимся из кабинета дантиста.

— Не уверен, — честно признался инспектор Борг, — но мне посоветовал обратиться к нему комиссар Босси. Так что, — Борг беспечно улыбнулся, — у нас есть возможность узнать, как он к нам относится.

— Вам хорошо веселиться, — проворчал Глум, нервно дотрагиваясь до внушительного флюса на правой щеке, — вам только маленькую пломбочку поставить. А мне этот доктор Менгель, наверно, всю челюсть разворотит.

Тем временем в кабинете на несколько мгновений воцарилась тишина.

— Ну вот видите, — неестественно бодро заметил Борг, — предыдущий клиент уже не

кричит и не стонет. Значит, все нормально, и сейчас ваша очередь.

— Что вы, что вы, инспектор! — в испуге замахал руками Глум. — Только после вас. Вы — старший по званию.

— Ну и что! — запротестовал Борг. — Зато у вас более серьезный случай. К тому же, — многозначительно добавил он, — пока меня будут лечить, с вами может случиться какая-нибудь неприятность.

— Что вы имеете в виду? — сразу побледнел Глум.

Инспектор не успел ответить, потому что как раз в этот момент из логова дантиста донесся жуткий крик и затем стук падающего тела.

— Бедняга, — невозмутимо прокомментировал Борг и перекрестился. — Ну что ж, и такое бывает. Не зря говорят, что каждый хороший врач имеет свое собственное кладбище... Что с вами, старина?

Заметив, что еще более побледневший Глум находится в полуобморочном состоянии, инспектор поспешил на помощь. — Ну, ну, сержант, мужайтесь. Даже Громила Бульд нагонял на вас меньше страха.

В ту же секунду дверь кабинета распахнулась, в коридор выскочил какой-то человек с перекошенным от злости лицом и бросился к выходу. Когда занятый Глумом инспектор

оглянулся, он успел увидеть только мелькнувшие в конце коридора желтые кроссовки.

— Ну вот, видите, — успокоил Глума инспектор, — наш бедняга выжил и даже быстро пришел в себя. Странно, правда, что...

Ему снова не дали договорить. Со страшным грохотом из кабинета выскочил сам доктор Менгель. Держась мозолистой рукой за окровавленную челюсть, он — неожиданно тонко и шепеляво — закричал на остолбеневших сыщиков: — Ну сто вы сидите как статуи? Заделзите этого бандита! Он выбил мне два зуба!

Глум мгновенно пришел в себя. Обрадованный возможностью не идти на прием к жуткому доктору Менгелю, он тут же ринулся в погоню. Чуть поколебавшись, инспектор Борг поспешил следом.

Через несколько минут преследователи были уже на улице.

— Куда побежал человек в кроссовках, который только что выскочил отсюда? — запыхавшись спросил Борг у непроницаемого привратника, с важным и задумчивым видом созерцающего семенящих перед ним людей.

— Вы найдете его в сауне «Чистилище Даля» на той стороне улицы, — даже не повернув головы в сторону инспектора, отозвался тот...

В приятном полумраке предбанника волнующе пахло пивом. В разных углах простор-

ного и уютного помещения расслаблялись после парилки четверо мужчин, укрытых длинными махровыми полотенцами.

Один из них, с большими оттопыренными ушами, играл партию в шахматы сам с собой, другой — похожий на спортсмена — читал газету, третий — бледнолицый и горбоносый — дремал, а четвертый — костлявый тип с изможденным лицом — вяло разглядывал внезапно появившихся сыщиков.

— Это он! — одновременно воскликнули Борг и Глум, указывая на бледнолицего.

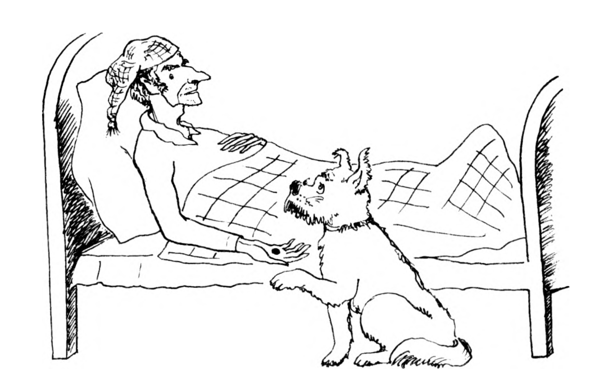
Еще через минуту инспектор Борг уже допрашивал не успевшего прийти в себя любителя сауны:

— Только что было совершено нападение на доктора Менгеля. У нас есть все основания подозревать в этом преступлении вас.

— Меня?! — возмутился бледнолицый. — Да я первый раз слышу про этого вашего Гегеля. Да и вообще, я уже два года не был у дантистов. Терпеть их не могу!

— Вот в этом я не сомневаюсь, — согласился Борг. — И все-таки нам придется арестовать вас.

Как инспектор догадался, кто из четырех мужчин преступник и почему усомнился в его показаниях?

Красные таблетки

После поимки особо опасного преступника Карлика Монга, уличить которого помог его же собственный говорящий попугай, комиссар Босси был в прекрасном расположении духа.

— Что ни говорите, друзья мои, — обратился он к неразлучным Боргу и Глуму, — мы еще слишком мало знаем о способностях животных. — Его взгляд с умилением следил за довольно безобразными рыбками, тупо пучившими глаза на комиссара из-за толстых стекол аквариума.

Сержант Глум, испытывающий к рыбам весьма противоречивые чувства, осторожно промолчал, а интеллигентный Борг лишь одобрительно промычал что-то вроде: «Ну да, в общем-то... так-то оно, конечно, так...» — и тоже замолк.

Почувствовав молчаливое одобрение обоих сыщиков, комиссар Босси приободрился.

— Вот, например, — начал он, — у моего старого друга, графа Эльборда, жил удивительный кот по имени Грэй. Каждое утро одинокий граф и кот завтракали вдвоем за одним столом, причем Грэю хозяин ставил особый стульчик и отдельную тарелку. И кот не остался в долгу! Однажды, придя к завтраку в столовую, старый граф с ужасом увидел на своей тарелке дохлую мышь. Оказалось, что благодарный Грэй ночью поймал двух мышей и одну из них положил к завтраку на свою тарелку, а вторую — хозяину.

Что вы на это скажете? — торжествующе обратился он к сыщикам.

— Это что! — тут же подскочил на стуле Глум. — Вот у меня был случай...

— Да-да, мы помним, — поспешно перебил его инспектор Борг, опасаясь, что сержант в очередной раз скажет что-нибудь невпопад. — Но способности животных, — повернулся он к комиссару, — действительно плохо изучены. Знаете ли вы, к примеру, что курица умеет считать?

— Курица?! Считать?!! — оскорбился Глум, у которого всегда были трудности с арифметикой. — Вы еще скажите, что она умеет играть на рояле.

— Нет, в самом деле, — в свою очередь обиделся Борг. — Курица умеет считать! Правда, только до трех. Зато это факт научно доказан. Причем самым элементарным образом. Оказалось, что если у курицы, имеющей больше трех цыплят, незаметно украсть одного из них, то она ничего не заметит. Если же у нее три цыпленка, то нехватку одного она сразу обнаружит. То есть, она считает по принципу: один, два, три, много.

— Очень интересный факт, — одобрительно отозвался комиссар Босси, с удовольствием затягиваясь сигарой. — И это всего лишь курица! А что если взять собаку!

— А если взять собаку, — наконец-то вмешался в разговор Глум, страстно желающий хоть чем-нибудь поразить начальство, — то тут встречаются еще более удивительные вещи. Я расскажу вам только один случай, причем взятый не из каких-то там сомнительных книжек, — сержант многозначительно посмотрел в сторону Борга, — а прямо из жизни.

— Ну-ну, — заинтересовался комиссар и поудобнее погрузился в свое необъятное кресло, — мы вас внимательно слушаем.

— Так вот, — таинственно начал Глум, — у старого Дреда, деда моего троюродного кузена, была очень умная собака редкой породы

кольтерьер. А у ее хозяина было очень слабое сердце, и, когда ему становилось совсем плохо, он тащился на кухню и доставал с холодильника коробку с лекарствами. Затем среди кучи разноцветных таблеток он выискивал таблетку валицерина и клал ее под язык.

— Да, я помню эти таблетки, — всколыхнулся в глубине кресла Босси. — они были такого ярко-красного цвета. Но их недавно сняли с производства.

— Чего не знаю, того не знаю, — честно признался Глум, — но этот случай был давно. Так вот каждый раз пес внимательно наблюдал за действиями хозяина из комнаты — а ему было запрещено заходить на кухню — и, видимо, запомнил эти таблетки. И однажды, когда старика Дреда прихватило особенно сильно и он не смог даже подняться с постели, пес нарушил запрет и ворвался на кухню. Вскочив со стола на холодильник, он в два счета отыскал в коробке нужную таблетку и принес ее хозяину.

Тому было уже совсем плохо. Пес осторожно положил таблетку в руку Дреду, и тот успел-таки запихнуть ее в рот. Так собака спасла от смерти своего хозяина, дав ему нужное лекарство. И с того дня он всегда держал для нее в холодильнике самую лучшую кость.

— Поразительный случай. — Комиссар был явно заинтригован. — Наверное, гениальная собака уже умерла?

— То, что никогда не рождалось, — неожиданно ответил за сержанта инспектор Борг, — умереть не может.

Уловив иронию в словах Борга, Глум разъярился:

— Вечно вы никому не верите! Но я-то сам слышал эту историю от своего родича!

— Не сомневаюсь в этом, — мягко возразил инспектор, — я лишь не верю в искренность вашего троюродного кузена.

Почему инспектор не поверил в историю, рассказанную сержантом Глумом?

Неудачная помолвка

— Инспектор! — зычный голос сержанта Глума оторвал инспектора Борга от разбора увлекательной партии великого Капабланки. — Есть хорошая новость!

— Ну что еще там такое? — нехотя отозвался Борг. — Нам полагается премия?

— Нет, гораздо лучше! — круглое лицо сержанта сияло от удовольствия. — Моя дочь Рэти выходит замуж.

— Наконец-то, — буркнул Борг, с вожделением глядя на черного короля. — Поздравляю! Надеюсь, жениха волнует не только приданое. Насколько я знаю, у вашей жены есть небольшой завод в пригороде.

— Да, — гордо улыбнулся Глум, — моя крошка — богатая невеста. И действительно,

пару раз к ней сватались какие-то сомнительные типы. Но Дэм Бергер — так зовут будущего мужа Рэти — это совсем другое дело. Красивый парень, прекрасно образованный и набожный, как папа Римский. К тому же родом из очень знатной семьи. Рэти рассказывала мне, что его прадед, настоящий аристократ, чем-то прославился на 1-й Мировой войне. Дэм даже показывал ей именное золотое оружие, подаренное тогда прадеду за доблесть. С красивой такой надписью «Герою 1-й Мировой войны лейтенанту Бергеру от командования 5-й пехотной дивизии. 1916 год». Вот так-то. А вы, — сержант с упреком посмотрел на инспектора, — во всем привыкли видеть только плохое.

— Нет, конечно, у этого парня есть недостатки, — добавил он через секунду. — Он слегка шепелявит, курит очень вонючие сигары и просто достал меня своей вежливостью. Но в остальном он жених что надо. Да вы сами на него посмотрите! — сержант сунул под нос вконец утомленному инспектору цветное фото какого-то франта, сидящего на лошади.

— Не понимаю, что ваша дочь нашла в подобном проходимце, — недоуменно пожав плечами, Борг вернул снимок сержанту и снова склонился над шахматной доской.

Почему инспектор Борг назвал жениха Рэти проходимцем?

Опознание

Дверь в 13-й кабинет осторожно приоткрылась, и в узкую щель протиснулась всклокоченная голова инспектора Борга.

— О, инспектор! — радостно всплеснул руками сержант Глум, выстраивавший в этот момент семерых хмурых мужчин в одну шеренгу. — Заходите, заходите!

И он бросился втаскивать упирающегося Борга в кабинет.

— Да успокойтесь, вы! — вяло отмахивался тот. — Я только что из отпуска.

— Так это же здорово! — не унимался сержант. — Значит, ваш котелок, — он постучал кулаком по яйцевидной голове инспектора, — в идеальном состоянии. А мне как раз опознание надо провести.

— А в чем дело? — сразу заинтересовался Борг.

— Да вот, пока вы разлагались в своем загородном гамаке и предавались интеллектуальным порокам, я тут распутывал одно дельце. Три дня назад, как раз когда передавали матч между «Крутыми ангелами» и «Ласковыми монстрами», один народный умелец в костюме Деда Мороза грабанул банк «Надежный» на 115-й Кленовой улице. По горячим следам мы накрыли тут одного рецидивиста по кличке Профессор. Вон он, третий слева, — Глум указал рукой на гориллообразного детину совсем не профессорского вида, но с быстрыми нервными пальцами, все время находящимися в движении.

— Почти все улики налицо, — понизив голос, продолжал Глум, — однако Профессор не признал своей вины. К тому же единственный свидетель, случайно видевший, как бандит переодевался после ограбления, описал в общем-то другого человека. Правда, дело было вечером, и свидетель, какой-то модерновый поэт Лукофаций, не уверен в точности своих показаний. К тому же, как и все современные поэты, он немного с приветом и вполне мог что-нибудь перепутать. Поэтому я решил устроить опознание, чтобы отбросить все сомнения.

— Так это он там томится за дверью? — усмехнулся инспектор.

— Ну да, я как раз собирался его вызвать.

— Ладно, зовите этого вашего Лукофация, — обреченно махнул рукой Борг, поняв, что ему не вырваться из цепких объятий сержанта.

Глум радостно кивнул и с нетерпением нажал зеленую кнопку на своем столе. В ту же секунду дверь распахнулась и в кабинет влетел престранный субъект с горящими безумием глазами. Вид его не оставлял никаких сомнений, что это поэт, и поэт гениальный. Редкая, но ухоженная бородка гения была выбрита в шахматном порядке, одной брови не было, а другая была выкрашена в пурпурный цвет. Роскошные черные кудри, обрамляющие многотрудную голову буревестника новой поэзии, поддерживала идущая через лоб повязка, на которой красовалась черная надпись «Слава Богу!».

Завидя выстроившихся для опознания мужчин, Лукофаций резко затормозил, развернулся и, выбросив вперед левую руку, замогильным голосом начал декламировать:

Чимол, чимол,
датог бяте,
датог бяте,
волят выз...

Все, кроме сержанта и Профессора, невольно расхохотались. Глум же, раздраженный потусторонним видом и странным поведением Лукофация, вовремя остановил его:

— Ваши стихи, как всегда, прекрасны, но давайте перейдем к делу.

Поэт очнулся, пристально вгляделся в шеренгу мужчин и, гневно сверкнув очами, изрек:

— Истинно, истинно здесь я не вижу мужа, который, алкая богатства, злато из банка на быстрых колесах увез.

— То есть, вы хотите сказать, — перевел Борг, — что среди присутствующих в этой комнате нет человека, принимавшего участие в ограблении банка «Надежный»?

— Да, — неожиданно нормально ответил Лукофаций, — именно это я и хотел сказать.

— А мне кажется, что вы не только узнали Профессора, но и сами замешаны в этом деле.

Почему инспектор Борг не поверил Лукофацию?

Счастливая купюра

С самого утра комиссар полиции Босси был как-то странно задумчив и рассеян. Сначала он безуспешно пытался подписать приказ давно потухшей сигарой, затем, проходя по коридору, машинально кивнул своему отражению в зеркале, приняв его за какого-то знакомого. А в довершение всего, входя в комнату, занимаемую инспектором Боргом и сержантом Глумом, долго и с остервенением дергал дверь

лю. — Вчера поставил сто доблей на бегах и проиграл. Но обиднее другое — ведь я действовал по особой системе и даже в кассу платил специальной счастливой купюрой.

— А разве бывают несчастливые? — поразился алчный Глум. — Меня лично любая бумажка в сто доблей делает счастливым.

— Да нет, — с досадой отмахнулся Босси, — я имел в виду ее счастливый номер. Есть точная примета: любая купюра, у которой сумма первых трех цифр равна сумме трех следующих — приносит удачу. А номер моей купюры был как раз таким — 535535.

— Ну так и что же? — нетерпеливому Глуму как всегда хотелось ясности. — Вы поставили свою «счастливую» сотню на какую-то клячу, и она...

— Пришла последней, — сокрушенно

— Тринадцатой, — машинально ответил Босси и тут же просиял. — Я понял, куда вы клоните! Значит, метод все-таки верный. Числа никогда не обманывают! Не зря великий Пифагор говорил, что самое священное на свете — лист мальвы, а самое мудрое — число.

— А вы что, интересуетесь математикой? — удивился Борг.

— О, да, с детства. Я единственный из нашего гимназического класса сдал вступительный экзамен по математике в Академию на «три».

— Нашли чем гордиться, босс, — засмеял-

тор. — Я даже заплатил за нее одному человеку целых пять доблей.

— Ну-ка, ну-ка, расскажите, — воодушевился комиссар. — Там тоже совпадали суммы цифр?

— Ничего подобного. Но когда неделю назад мне позвонил какой-то незнакомец и предложил купить эту бумажку за пять доблей, я сразу согласился.

— Вы ее когда-нибудь видели до этого? — Комиссар был явно заинтригован.

— Ни разу! Но все равно купил. Да и вы бы с сержантом тоже, наверно, купили бы ее на моем месте.

— Купить один добль за пять? — возмутился Глум, известный своей скупостью. — Да никогда на свете! Вы что, меня за идиота считаете?

— Ну не знаю, не знаю, — задумчиво ответил Борг. — Во всяком случае, этот ловкач признался мне, что продал в этот день еще двадцать подобных купюр другим «идиотам». Причем все они не были знакомы ни с ним, ни друг с другом.

— Ничего не понимаю, — комиссар даже слегка растерялся. — И все купюры были разные и настоящие?

— Да, самые обычные бумажки в один добль.

— Я все понял! — радостно хлопнул себя по лбу сержант Глум. — Все эти люди, кроме инспектора, были сумасшедшие. Правда, — тут он подозрительно посмотрел на Борга, — в нём я уже тоже начал сомневаться.

— Успокойтесь, старина, — рассмеялся инспектор, — все покупатели абсолютно нормальные люди. Сделаю одну подсказку: каждый из нас ни за что не купил бы купюры, предложенные другим.

— А-а, — вдруг воскликнул комиссар Босси, — я, кажется, догадался, в чем тут дело.

А в чем тут, действительно, дело?

Умные пальцы

Фильм «Необъяснимые чудеса и тайны» произвел сильное впечатление на сержанта Глума. Выйдя из кинотеатра, он впал в неестественную задумчивость и только через пять минут вспомнил про молча шагавшего рядом инспектора Борга.

— Скажите, инспектор, — обратился сержант к знаменитому сыщику, — а вы верите в чудеса?

— Чудеса появляются там, где в них верят, и чем больше в них верят, тем больше их появляется, — процитировал Борг известного мудреца.

— Значит, не верите, — огорченно протянул сержант, но тут же оживился. — А хотите, я покажу вам настоящее чудо, и не где-нибудь там в пустыне, а здесь, рядом?

— Представляю себе это чудо, — скептически хмыкнул Борг.

— Ах, так! — завелся сержант. — Ставлю сто доблей, что вас оно убедит!

— О, это уже чудо! — согласился Борг, хорошо знающий про скупость Глума. — Ну что же, идет. А я ставлю двести доблей, если не смогу объяснить его!

Через несколько минут сержант привел инспектора к разукрашенному шатру в самом центре ближайшего парка. Перед входом в шапито элегантный господин во фраке, обворожительно улыбаясь, энергично зазывал случайных прохожих:

— Дамы и господа! Сегодня последний день, когда вы сможете познакомиться со знаменитым магом Теном Амбо, умеющим читать пальцами! Всего за десять доблей вы увидите то, чего не делает ни один другой человек в мире!

— Это и есть ваше чудо? — усомнился Борг.

— Да, да, — нетерпеливо отмахнулся Глум, покупая билеты. — Давайте поторопимся, сеанс уже начинается.

Когда они вошли внутрь, на небольшой сцене, окруженной тремя десятками зрителей, сидящих на складных стульях, уже появился загадочный человек с удивительно асимметричным лицом и тяжелым гипнотическим взглядом. Выдержав паузу, он неуловимым

движением извлек из воздуха небольшую записную книжку. Вырвав из нее несколько чистых листков в клеточку, маг обратился к публике:

— Я — Тен Амбо, единственный человек, умеющий читать пальцами то, что написано на бумаге. Сейчас вы убедитесь в этом. Попрошу десять добровольцев из зала.

Несколько человек охотно подошли к магу. Увидев среди них эффектную блондинку, Глум тоже сорвался с места, став десятым участником эксперимента.

— Каждый из вас, — обратился Тен Амбо к добровольцам, — напишет по несколько слов — все, что хотите — на этих листках бумаги. Маг указал на вырванные листки из блокнота.

Закрываясь от других и от Амбо, все старательно написали что-то на своих листочках.

— А теперь сверните листки в трубочки и бросьте в этот черный мешок, — приказал маг. Все повиновались.

— Ну а теперь прошу садиться! — загремел маг. — Внимание!

Глядя куда-то вверх, он засунул руку в мешок. Все замерли.

— Читаю первую записку! Так, почерк на ней явно мужской, — пробормотал маг, ощупывая записку в мешке. — Ага! Есть! Слушайте! «Я не верю в эту чепуху!» Кто написал эту

фразу? — грозно сверкнув глазами, маг вытащил свернутую трубочкой записку из мешка.

— Я, — поднялась с третьего ряда потрясенная блондинка. — Но я не хотела вас обидеть, — тут же начала оправдываться она. — Я была уверена, что вы не сможете прочитать мою записку пальцами.

— Так думают многие, — огорченно вздохнул маг, разворачивая записку блондинки. — А почерк у вас и впрямь мужской, — добавил он, убедившись, что прочитал записку верно.

По залу пробежал гул восхищения.

— Так, читаем дальше, — маг снова запустил руку в мешок. — А здесь, — он улыбнулся, — наоборот, почти детский, наивный почерк. Да и текст в общем-то слегка глуповатый: «Да здравствуют блондинки!» Кто автор этого «шедевра»?

— И вовсе у меня не детский почерк! — вскочил с места раздосадованный Глум, вызвав дружный смех присутствующих. — А насчет блондинок, — сержант искоса бросил взгляд на понравившуюся ему девушку, — это совсем не глупо. — Глум с громким стуком сел на свое место.

После эпизода с Глумом Тен Амбо с тем же успехом прочитал остальные восемь записок. Восхищенные зрители долго аплодировали магу в конце представления.

— Ну что я вам говорил! — возбужденно спросил Борга Глум уже на выходе из шатра. — Убедились? Гоните монету!

— Боюсь, что в проигрыше будете вы, — невозмутимо парировал инспектор. — Ведь это просто надувательство.

— Надувательство? — задохнулся от возмущения Глум. — А ну-ка объясните тогда, в чем тут дело.

— Ради бога. Начнем с того, что имя этого так называемого мага, прочитанное с конца, означает «обманет», что само по себе подозрительно.

— Действительно. — Глум был явно обескуражен. — Но это просто случайное совпадение, — тут же нашелся он. — Ваша фамилия, между прочим, если ее прочитать с конца, тоже звучит подозрительно.

— Ну, ладно, — согласился Борг, слегка покраснев. — Не будем об этом. Главное в другом. Вы заметили, что после «прочтения» пальцами маг всегда разворачивал записку и прочитывал ее глазами?

— Ну да, чтобы убедиться, что все правильно.

— В этом-то и состоит разгадка! А если добавить, что блондинка, как я думаю, работает заодно с магом, то все становится ясно.

Что имел в виду инспектор Борг?

Исчезающий багаж

— Так вы говорите, это уже третий подобный случай? — инспектор Борг внимательно разглядывал маленького взволнованного человека с оттопыренными ушами, представителя компании «Грот», владеющей сетью привокзальных камер хранения.

— Вот именно! — сразу накалился тот. — И каждый раз мы несем значительные убытки.

— Расскажите, как это было в последний раз. — Инспектор был явно заинтригован. — Дело кажется и впрямь любопытным.

— Да тут, собственно, и рассказывать нечего. Три дня назад в нашу камеру хранения, что на Северном вокзале, обратился некий человек — теперь мы знаем, что его зовут Стан Шпански — с просьбой принять его багаж. Это

был не очень большой, но очень тяжелый металлический ящик. Наш служащий не смог его даже приподнять, и тогда Шпански предложил свою помощь.

— А он что, чемпион мира по поднятию тяжестей? — недоверчиво пробурчал сержант Глум, сосредоточенно жующий жвачку на обширном кожаном диване в углу кабинета.

— Не думаю, — неуверенно ответил человечек, — но то, что он настоящий богатырь, не вызывает сомнения. Как бы то ни было, приемщик с радостью согласился. Тогда Шпански довольно легко отнес свою ношу на дальнюю полку и почти сразу вернулся. А вчера он пришел за своим багажом, и тут оказалось, что чертов ящик пуст. Шпански устроил скандал и потребовал денежной компенсации. Не желая огласки, компания замяла дело, заплатив ему 30 000 доблей.

— Так, так, — Борг задумчиво барабанил пальцами по столу. — А вы проверяли тех, кто работал в камере за время хранения ящика?

— Естественно! — обиделся человечек. — У всех троих безупречная репутация. Все они работают на компанию много лет и ни разу не были замечены ни в чем предосудительном. К тому же видеокамера, установленная около самого входа в камеру хранения, не зафиксировала за эти два дня ничего подозрительного.

— Любопытно, любопытно, — Борг даже чуть наклонился вперед от нетерпения. — А как выглядел ящик, когда его возвращали этому вашему Шпански?

— Точно так же, если не считать того, что он был пуст. Да, вот еще, — спохватился клерк, смешно двигая ушами, — на верхней части задней крышки была открыта небольшая заслонка, прикрывавшая отверстие размером с теннисный мяч. При этом приемщик клянется, что, когда он принимал ящик, то он был полностью закрыт.

— Все ясно! — вдруг выпалил Глум. — Там были змеи! Ночью они выползли из ящика и... — глаза сержанта лихорадочно заблестели.

— Мы проверяли и эту безумную версию, — пренебрежительно отозвался человечек, устало махнув рукой. — Ничего и никого! Никаких следов!

— Довольно странные обстоятельства, — пробормотал Борг, что-то мучительно припоминая.

— Но еще более странным, — продолжал, все более воодушевляясь, представитель «Грота», — что, как я уже упоминал в самом начале, это третий подобный случай за последние два месяца. А когда мы подняли все бумаги по предыдущим двум случаям, поразились еще больше — каждый раз «пострадавшим» был один

и тот же человек. Все тот же Стан Шпански. Вот тут-то мы и схватились за голову.

— Судя по всему, — едко вставил Глум, — она у вас одна на всю компанию. Кстати, — добавил он секундой позже, — вы каждый раз платили этому проходимцу по 30 000 доблей?

— Да, — кротко ответил уязвленный человечек, и его оттопыренные уши слегка покраснели.

— Замечательно! — почему-то обрадовался инспектор, потирая руки. — Скорее всего, мы имеем дело с мелким жуликом, случайно наткнувшимся на гениально простой способ изъятия денег у вашей компании. А кто из приемщиков работал в первые два раза?

— Совершенно другие люди, так как каждый раз Шпански орудовал на разных вокзалах.

— Хм, — Борг на мгновение задумался. — А чего вы хотите от нас?

— Должен вас заверить, — снова заволновался человечек, — что наша компания весьма заинтересована в разоблачении способа, которым пользовался этот прохвост. Больше того, — тут он извлек из кейса фирменный бланк с печатями и стал читать вслух: «Компания „Грот“ обязуется выплатить двадцать тысяч доблей тому, кто раскроет секрет обмана».

— Вы правы, инспектор, — сразу оживился Глум, — это дело и впрямь интересное.

Жаль только, что жуликам компания платит на десять тысяч доблей больше. Впрочем, я, то есть мы с инспектором, готовы взяться за это трудное дело и за такую скромную сумму.

— Очень, очень рад, — обрадовался человечек. — Сколько времени вам понадобится?

— Недели две-три, — небрежно ответил сержант, — но может быть, и меньше. Это зависит...

— Это зависит от того, — вмешался инспектор, — когда вы сможете заплатить нам 20 000 доблей.

— Сразу после получения убедительного ответа, — торжественно заявил человечек.

— Тогда готовьте деньги. Я понял, в чем тут дело.

Что имел в виду инспектор Борг?

Летающая тарелка

Как всегда по вторникам инспектор Борг докладывал комиссару полиции Босси о ходе расследования наиболее тяжелых дел. К концу первого часа, совершенно утонув в плотных клубах сигарного дыма, испускаемых комиссаром через равные промежутки времени, Борг перестал что-либо соображать и мысленно взмолился о помощи.

Именно в этот момент дверь с треском распахнулась, и в кабинет влетел сержант Глум, потрясая обрывком газеты.

— Сенсация, комиссар! — завопил он с порога, лихорадочно блестя глазами. — Инопланетяне воруют наших людей! Скоро мы будем заниматься расследованием в космосе!

— Ура! — тихо пробормотал инспектор, жадно вдыхая свежий воздух, ворвавшийся в тесную каморку.

— А, вы тоже здесь! — обрадовался сержант, с трудом разглядев в сизом тумане почти бесплотную фигуру Борга. — Вас это тоже поразило? — продолжал он кричать, неверно истолковав восклицание сыщика.

— Да успокойтесь вы! — нетерпеливо перебил ошалевшего сержанта комиссар Босси и, привстав из бездонного кожаного кресла, захлопнул дверь. — Что, собственно, случилось?

— Да ничего особенного, — ехидно отозвался тот. — Обычное дело: плохие парни с Альфа Центавра шастают тут днем и ночью, таскают потихоньку людишек, а потом, понимаешь, засоряют наше родное околоземное пространство своими чертовыми тарелками.

— Все ясно, — вздохнул Борг, потирая виски, — сержант опять начитался своей любимой газеты «Скандалы и тайны»!

— Вот и нет! — торжествующе парировал Глум. — Об этом написано как раз в вашей любимой газете. — И он сунул под нос изумленному Боргу пожелтевший клочок газеты.

— Действительно, — сыщик даже протер слегка запотевшие очки, чтобы лучше видеть, — это страница из «Обозревателя», самой серьезной газеты в городе. Но я что-то не припомню этого номера.

— И неудивительно, — снисходительно пояснил Глум. — Весь тираж газеты уничто-

жили в самый последний момент по указанию свыше, но мой знакомый в типографии сумел сохранить обрывок одного из экземпляров. И хотя всем было приказано молчать, он за хорошее вознаграждение передал листок со статьей мне.

— Ну, ладно, ладно, — примирительно сказал комиссар, явно заинтригованный, — читайте, что там написано.

— Ради бога! — обрадовался Глум. — Давно пора послушать, а не отпускать глупые замечания. — Он повернулся к Боргу. — Слушайте внимательно, инспектор, — добавил он ехидно, — это вам не дело о мелких воришках.

Прокашлявшись, сержант торжественно поднес газетный листок к глазам:

«Секретный доклад министерства обороны! «Летучий голландец» в космосе! На орбите обнаружена брошенная летающая тарелка! Инопланетяне похищают только лысых! Побег в никуда из космической тюрьмы!»

— Каково, а? — Глум явно гордился произведенным эффектом. — Но это только заголовки, слушайте дальше. Он снова уткнулся в газету: «Ровно три недели назад человечество столкнулось с самой удивительной загадкой за всю свою историю. Об этом стало известно нашему корреспонденту, с невероятными трудностями доставшему копию секретного доклада министерства обороны президенту.

Приводим выдержки из этого суперсенсационного сообщения: «11 марта многоразовый космический корабль „Шастл“ с тремя звездонавтами на борту совершал запланированный полет в заданном режиме по заказу нашего генерального штаба и некоторых спецслужб. В 7 утра по столичному времени на околоземной орбите был обнаружен неопознанный летающий объект, не подающий признаков жизни и не отвечающий на сигналы. Попытка приблизиться...»

— Так, тут я пропущу описание того, как наши ребята проникли внутрь, — Глум перевернул страницу. — Ага, вот: «...На борту НЛО не было найдено ни одного живого существа, если не считать необычной фиолетовой плесени кубической формы... В самой дальней, овальной, каюте, судя по всему, содержались десять пленных землян. Во всяком случае на стене каюты висели обрывки написанной обычной шариковой ручкой записки. Тут же плавали в воздухе чьи-то носки 45-го размера, кулинарная книга и шариковая ручка фирмы „Панкер“, соединенная тонкой бечевкой со стенкой. В потайном ящике под одной из кроватей было обнаружено 27 зарядов большой мощности от неизвестного оружия... Приводим сохранившийся текст записки: «Мы, десять землян, были похищены и увезены на ино-

планетном корабле. Принцип, по которому нас отбирали, остался неясен, хотя единственное, что нас объединяет, — полное отсутствие волос на голове... Первые три дня мы общались только с роботами, но сегодня ... Поэтому ... несмотря ... решились бежать... Захватили оружие ... Прощ...».

— Что вы теперь скажете? — сержант бросил газету на стол. — Просто жуть какая-то!

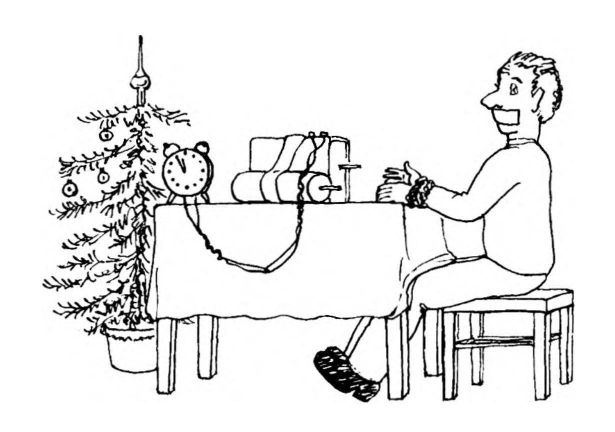
— Там точно написано, что все похищенные земляне были абсолютно лысыми? — спросил комиссар, непроизвольно поглаживая внушительную плешь на затылке.

— Смотрите сами, — сержант ткнул пальцем в газету.

— М-да, — успокоенно промычал комиссар, оторвавшись от статьи. — Эти журналисты всегда все преувеличивают. Я не думаю, что нам угрожает серьезная опасность. К тому же, — он раскурил новую сигару чудовищной величины, — сдается мне, что этих плохих парней с Альфа Центавра уже нет в живых.

— Скорее всего, — неожиданно очнулся Борг, отгоняя клубы дыма от своей многострадальной головы, — их и вовсе не было. А этот знакомый Глума — большой шутник. И к тому же неплохо заработал на доверчивости сержанта.

Почему инспектор не поверил газетной статье?

Новогоднее дело

Судьба не раз поворачивалась к инспектору Боргу спиной, но после того, как ему выпало дежурить в полицейском управлении в новогоднюю ночь, он понял, что она отвернулась от него навсегда, и не ждал от жизни ничего хорошего. Поэтому, когда в 23.30 в комнате, которую Борг делил с сержантом Глумом, раздался телефонный звонок, он приготовился к самому худшему.

— Отдел расследований, — вяло буркнул он в трубку, мысленно готовясь к неприятностям.

— Продажная двуногая обезьяна! — внезапно обрушился на него поток замысловатых ругательств. — Безмозглый полицейский тара-

кан! Вонючая служебная каракатица! Шелудивый...

Ничуть не удивившись, инспектор с самой любезной улыбкой передал трубку неунывающему Глуму:

— Кажется, это вас.

— Кто там? — деловито поинтересовался у него сержант, забирая трубку. — Матильда?

— Да нет, какой-то биолог, — уклончиво ответил Борг, с интересом наблюдая за реакцией напарника.

— Биолог? — захохотал Глум. — Да у меня всегда было два по биологии. Слушаю! — рявкнул он в трубку, продолжая улыбаться.

То, что он услышал, явно усилило его врожденную нелюбовь к биологии. Улыбка медленно сползла с добродушного лица сержанта.

— Ах ты, мензурка недоношенная! — побагровев, заорал он в ответ. — Да чтоб у твоей глисты запор был! Да чтоб ты прославился, и твоим именем назвали какую-нибудь заразу! Да чтоб тебя...

— Я думаю, обмен приветствиями состоялся, — вмешался враз повеселевший Борг, вырвав трубку у вошедшего в раж сержанта. — Объясните, пожалуйста, чего вы хотите, — подчеркнуто вежливо обратился он к неведомому хулителю.

— С удовольствием, — донесся издалека до слуха инспектора неожиданно спокойный голос. — Речь идет о захвате заложника.

— Я вас внимательно слушаю, — сразу посерьезнел Борг, кивком указав Глуму на параллельный телефон. Сержант тут же присоединился к разговору.

— Я — представитель революционной организации ООУЗ, — торжественно начал неизвестный. — Сегодня утром был арестован наш боевой товарищ Ры Сигей, проводивший запланированную акцию протеста.

Тут Борг вопросительно взглянул на сержанта, и тот утвердительно кивнул, почему-то снова улыбаясь.

— Только что, — продолжал революционер чеканным голосом, — я захватил заложника. Он будет уничтожен ровно в полночь, если до этого времени Ры не будет освобожден. Доказательства серьезности своих намерений я предоставлю. Вот первое.

И Борг услышал чей-то взволнованный голос:

— Умоляю! Спасите! Они не шутят! Это звери, а не люди! Я — владелец солидного похоронного бюро „Геба" из другого города и обещаю награду за мое спасение.

Тут опять вклинился террорист из ООУЗ:

— Второе доказательство вы найдете в конверте у входа в ваше управление.

Борг снова выразительно посмотрел на сержанта. Тот сразу все понял и ринулся к выходу. Он уже не улыбался.

— Я еще раз позвоню без десяти двенадцать, — сухо добавил голос. — У вас осталось двадцать минут. Вы все поняли?

— Да. — Борг что-то мучительно вспоминал. — У меня только один вопрос. Как расшифровывается ООУЗ?

— Организация Освобождения Узников Зоопарка, — последовал невозмутимый ответ, и Борг услышал короткие гудки отбоя.

Через три минуты расторопный Глум уже вернулся с каким-то подозрительным конвертом. Из него выпала еще чуть влажная карточка, сделанная на „Полароиде“. На фото был запечатлен связанный по рукам испуганный человек, сидящий за столом, на котором громоздилось взрывное устройство с часовым механизмом. Было отчетливо видно, что будильник, соединенный проводами с бомбой, поставлен на 12 часов.

— Бред какой-то, — меланхолично заметил Борг, изучив снимок. — Видно, и впрямь свихнувшийся биолог. Не зря вы, сержант, подкладывали кнопки учительнице по биологии.

— И вы еще можете шутить в такой ситуации! — вскипел Глум. — Уже без пятнадцати двенадцать! Надо же что-то делать! Ведь человек может погибнуть!

— Не дергайтесь, — успокоил его Борг. — Я думаю ему ничего не угрожает.

Почему инспектор Борг не поверил „террористу“?

Отверженная купальщица

День рождения жены всегда был суровым испытанием для сержанта уголовной полиции Глума. Сложности начинались уже на подступах к этому священному празднику. Составить километровый список гостей, накупить гору продуктов, продумать план сногсшибательной вечеринки — от одного этого можно потерять интерес к жизни.

А тут еще подарок. Угодить капризной и избалованной Матильде было в сто раз сложнее, чем непосредственному начальнику сержанта, инспектору Боргу.

Опять же деньги. Жадноватый Глум всегда пытался сэкономить на материальных знаках любви к супруге, за что всегда потом расплачивался вдвойне. Но на этот раз он решил

превзойти самого себя и всю свалившуюся на него премию в тысячу доблей потратить на презент обожаемому Пончику.

— Что можно купить на тысячу доблей в подарок шикарной, но суровой женщине? — напрямик спросил он Борга, памятуя о прошлогоднем провале с газонокосилкой.

— У вашей жены день рождения? — сразу догадался проницательный Борг.

— Да, будь он неладен, — раздраженно буркнул сержант. — И на этот раз ошибаться нельзя.

— А вы подарите ей что-нибудь красивое, в чем она плохо разбирается. Например, картину.

— Картину? — Глум был явно озадачен. — А я собирался подарить ей горные лыжи.

— Так ведь она даже на обычных лыжах не умеет кататься, — засмеялся Борг, на мгновение представив весьма упитанную Матильду, лихо мчащуюся по горному склону мимо испуганных туристов.

— Ну-у, научится когда-нибудь, — в голосе Глума явно не было уверенности. — Хотя, — взгляд его оживился, — идея с картиной лучше. А где ее можно купить?

— О-о, это проще простого, — обрадовался инспектор. — Я как раз собираюсь прогуляться в Болонский парк. А там, на аллее Ис-

кусств, просто толпы художников, мечтающих впарить вам свои шедевры. Так что собирайтесь, составите мне компанию.

— Инспектор! — Глум сиял. — Вы решаете все мои проблемы!

Через пятнадцать минут оба сыщика уже чинно прохаживались по аллее мимо вереницы развешанных и расставленных как придется картин всевозможных направлений и стилей. Тут и там стояли, сидели и даже лежали на травке авторы этих творений. Сержант Глум, впервые попавший на подобное представление, вертел головой направо и налево и был просто ошарашен.

— Вот это да! — вдруг остановился он перед акварельным портретом обнаженной купальщицы раблезианских очертаний. — Это будет отличным подарком моей Матильде.

— Мне кажется, — усмехнулся Борг, — вы больше думаете о подарке себе. К тому же у Ренуара женщины гораздо лучше.

— Это ваш знакомый? — сразу заинтересовался Глум. — Может, тогда сходим к вашему Гренауру?

— Боюсь, что вы опоздали лет на сто. — Борг почему-то занервничал. — Пойдемте дальше.

— Нет, подождите! — уперся Глум, не в силах оторвать взгляд от виолончельных

форм купальщицы. — Сколько стоит эта картина? — не мешкая, обратился он к дремавшему рядом бородачу подозрительной наружности.

Тот мгновенно вскочил с раскладного стульчика.

— Всего лишь пятьсот доблей.

— Пятьсот доблей! — обрадовался Глум, но тут же вспомнил про твердое желание потратить всю премию. — А нет ли у вас такой же, но в два раза больше?

— О-о, я чувствую истинного ценителя красоты, — засуетился художник, предвкушая барыш. — Вам крупно повезло. У меня есть любые размеры. — И он, словно фокусник, извлек откуда-то из-за спины точно такую же картину большего формата. — Эта работа стоит тысячу доблей.

— Беру! — почти выкрикнул Глум, обалдев от еще более могучих форм на второй картине.

— Вы с ума сошли! — наконец-то пришел в себя Борг и потянул Глума за рукав. — Эта мазня не стоит и сотни.

— Вы ничего не понимаете в современной живописи! — отмахнулся Глум и полез за бумажником.

— Одну минутку! — неожиданно вмешался художник, алчно блестя глазами. — Тут есть

одно препятствие. Дело в том, что эту работу уже приобрел вот этот господин. — Он показал рукой в сторону тощего всклокоченного субъекта, курящего неподалеку. — Кстати, это известный искусствовед, специалист по современной живописи. Но, — бородач замялся, — если вы заплатите на сто доблей больше, я уступлю картину вам.

— Маэстро, — окликнул он искусствоведа, — вы не будете возражать, если я перепродам эту купальщицу, которую вы только что купили?

— Постойте, постойте! — всплеснул руками субъект. — Но ведь я уже приобрел этот холст!

— Да, но этот господин хочет заплатить больше, — выдавая желаемое за действительное, бородач кивнул в сторону Глума.

— Э-э, гм, — замялся сержант, явно колеблясь.

— Поздравляю, коллега, — расшаркался перед Глумом «специалист по современной живописи», — у вас отличный вкус! Сразу видно знатока! Боюсь, что работа достанется вам, у меня больше нет с собой денег. Мне очень жаль, — добавил он, чуть не плача, — расставаться с этой блестящей картиной.

Похвала «коллеги» сразила несчастного Глума наповал.

— Хорошо! — воскликнул он в явном помрачении рассудка. — Беру за тысячу сто!

Дрожащими от нетерпения и жадности руками он стал отсчитывать купюры.

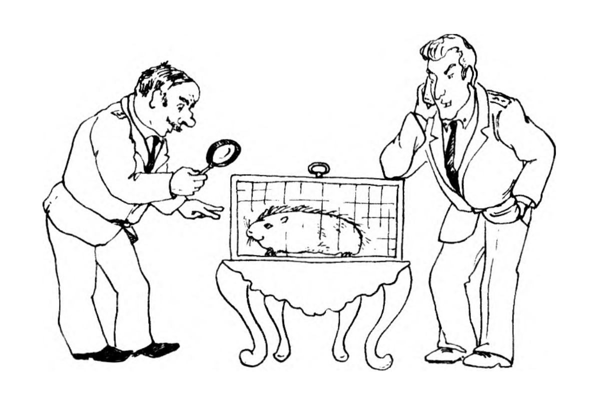
— Сержант Глум! — неожиданно рявкнул интеллигентный Борг. — Приказываю вам спрятать деньги и следовать за мной.

Сержант вздрогнул и инстинктивно повиновался.

— Что такое, инспектор? — забеспокоился он. Здравый смысл и природная подозрительность постепенно возвращались к нему. — Тут что-то не так? Но ведь вы же слышали, что сказал искусствовед про эту картину?

— Это такой же искусствовед, как и вы, — засмеялся Борг, уводя Глума подальше от опасного места. — К тому же оба этих мошенника в сговоре.

Что вызвало подозрения инспектора Борга?

Пропавшая дама

— Обезьяноподобное млекопитающее из семи букв, обезьяноподобное млекопитающее из семи букв... — как заклинание повторял осоловевший после обеда сержант Глум, зациклившись на первом по горизонтали слове своего любимого «полицейского кроссворда».

— Ну что вы за человек, сержант? — донесся откуда-то издалека голос инспектора Борга. — Я вас уже третий раз окликаю, а вы сидите как истукан.

— Человек, человек, — как эхо отозвался Глум, и вдруг его лицо озарилось счастливой догадкой. — Человек! — радостно завопил он. — Семь букв! Ведь это и есть обезьяноподобное млекопитающее!

— Да-да, именно обезьяноподобное, — охотно согласился инспектор, с тревогой на-

блюдая за бурной жестикуляцией сержанта Глума. И тут же добавил:

— Очень сожалею, сержант, но нас срочно вызывает драконоподобное млекопитающее.

— Вы имеете в виду комиссара Босси? — руки Глума сами собой вытянулись по швам.

— Вот именно. Он ждет нас через минуту.

Сбивая стулья, сержант ринулся в кабинет комиссара...

— Итак, господа, — внушительно нависая над письменным столом, комиссар полиции Босси казался как никогда встревоженным, — дело, которое я хочу поручить вам, чрезвычайно важное и касается лично меня.

— Да, меня, — повторил Босси, заметив недоумение сыщиков, и все три его подбородка заколыхались от гнева. — Сегодня утром банда обнаглевших преступников похитила мою тещу.

— Вашу тещу?! — Глум даже подпрыгнул от изумления. — Да кому она нуж.., — начал было он, но вовремя спохватился.

— Сержант хотел сказать, — выручил Глума Борг, — что ему не понятны мотивы этого преступления.

— Как раз с этим все ясно. — Комиссар устало плюхнулся в кресло. — Во-первых, это дерзкий вызов всей нашей полиции. На карту поставлена честь моего мундира. Во-вторых,

деньги. Только что звонил один из похитителей. Сообщив, что сегодня в 5 часов утра из своей квартиры на Кленовом бульваре была похищена госпожа Горгония, то есть моя теща, он потребовал за ее освобождение выкуп в семьдесят восемь тысяч доблей.

— Довольно странная сумма, — заметил Борг.

— Какая бы странная она ни была, — не унимался Глум, — нельзя отдавать за тещу такие сумасшедшие деньги. Да я готов сам доплатить, только чтобы моя теща...

— Но речь идет о моей теще, — самодовольно перебил его комиссар. — К тому же она стоит гораздо дороже. Позавчера на семейном обеде она похвасталась, что уже почти миллионерша и на ее счетах лежит девятьсот двадцать две тысячи доблей. Как бы то ни было, моя жена требует, чтобы это дело было поручено только инспектору Боргу. Прошу вас обоих немедленно выехать на место преступления.

Через несколько минут инспектор Борг, сопровождаемый неизменным Глумом, уже осматривал квартиру госпожи Горгонии.

Всюду царил образцовый порядок. Сияла чистотой изысканная посуда на кухне, на своих местах находились замысловатые кулинарные приспособления. Манили белизной роскошные полотенца в ванной, строго по порядку располо-

жились дорогие письменные приборы на столе в кабинете, аккуратно разложенное по полочкам, дышало свежестью тонкое кружевное белье в спальне. В идеально убранной клетке у изголовья кровати что-то весело жевала весьма упитанная морская свинка.

Задержавшись на ней взглядом, Глум печально вздохнул:

— Эх, сюда бы мою тещу на экскурсию. Такая здесь кругом чистота и порядок.

— Ну, не везде, положим, — возразил Борг, указывая на перепутанные и перепачканные простыни и одеяла, в беспорядке разбросанные на постели. На пышной подушке засохло несколько капель крови.

— Ну это же и ежу ясно, — парировал Глум. — Все признаки борьбы налицо. Ну представьте себе. В пять утра сюда вламывается банда громил, набрасывается на мирно посапывающую старушку, божий одуванчик, начинает крутить ей руки и запихивать в какой-нибудь грязный мешок. Та, естественно, сопротивляется, кусаясь и царапаясь направо и налево. А ко всему прочему...

Но тут зазвонил телефон, и Борг машинально поднял трубку.

— Инспектор Борг? — донесся рокочущий басок комиссара Босси. — Ну что, нашли что-нибудь?

— Да так, ничего особенного. Но теперь я, как и сержант Глум, считаю, что выкуп нельзя выплачивать ни в коем случае.

— Вы тоже стали тещененавистником? — поразился на том конце провода Босси.

— Да нет, — улыбнулся Борг. — Просто я понял, что похищение инсценировано самой госпожой Горгонией.

Что заставило инспектора Борга сделать такой вывод?

Таинственная записка

— ... И когда прямо в лоб мне уперлось холодное дуло револьвера 45-го калибра, я чуть не умер со страха. «Это конец», — пронеслось в моей голове. Но тут же мужество вернулось ко мне, и я специальным приемом выбил оружие из рук Громилы Бульда. И тут он зарычал, как бешеный тигр, и бросился на меня. Его волосатые пальцы вцепились мне в горло. Я почувствовал, что задыхаюсь...

— Бедненький! Он же мог задушить вас! — огромные глаза секретарши комиссара полиции Лианы с испугом и восхищением смотрели на мужественное лицо сержанта Глума.

— Еще бы! — воспользовавшись моментом, сержант поближе придвинулся к девушке.

— Громила Бульд всегда славился своей бычьей силой и жестокостью. И вообще это самый опасный преступник в нашем городе. Но со мной у него вышла осечка. Напрягая все свои силы, я ... — в этот момент разгоряченный рассказом сержант заметил прислонившегося к двери инспектора Борга, с улыбкой слушавшего Глума.

— Ну, в общем, — скороговоркой добавил сержант, отодвигаясь от девушки, — через пару минут мы с инспектором скрутили этого бандита. Я как раз рассказывал Лиане, — смущенно пояснил он Боргу, — как мы с вами пять лет назад взяли Громилу Бульда.

— Что это вас, Глум, потянуло на воспоминания? — Борг не переставал улыбаться. — Дело Бульда давно закрыто, а сам он ближайшие двадцать лет будет лишен возможности доставлять нам неприятности.

— Как сказать, — задумчиво протянул сержант. — Я вспомнил его не случайно. Как раз позавчера, в воскресенье, Бульду принесли передачу и в пакете с его любимыми устрицами охранник обнаружил спрятанную записку с воли. Ее тут же отдали шифровальщикам из контрразведки, и вот только что они позвонили нам в управление.

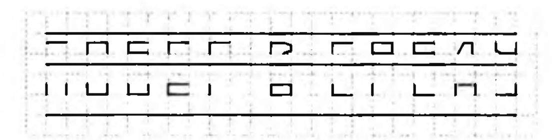
— Ну и что же? — заинтересовался Борг.

— Сказали, что вроде бы есть продвижение, особенно по первой строчке. Но шифр очень трудный, и им понадобятся две недели для дешифровки.

— Кто бы мог подумать! — вмешалась в разговор Лиана. — Такой маленький клочок бумаги с какими-то каракулями — и столько проблем умным людям!

— А вы видели записку? — удивился инспектор.

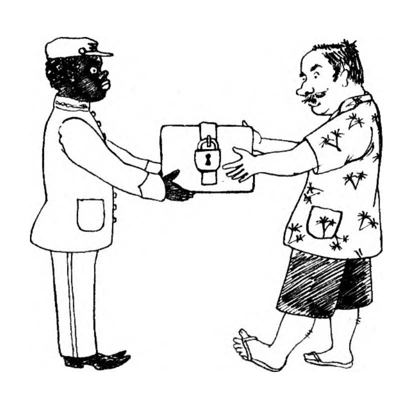
— Конечно, у нас же осталась копия. Да вот она, посмотрите. — И девушка протянула Боргу листок бумаги в клеточку с двумя строчками таинственных знаков:

С минуту инспектор пристально вглядывался в записку, а потом неожиданно вскочил с места:

— Надо срочно усилить охрану Громилы Бульда. Иначе завтра он может снова оказаться на свободе.

Что именно прочитал Борг в записке?

Хитроумная посылка

— Проснитесь! Да проснитесь же! — Чья-то крепкая рука безжалостно вырвала инспектора из цепких объятий сна. С трудом оторвав голову от нагретой поверхности стола, Борг открыл глаза.

Грубая реальность предстала перед ним в облике сержанта Глума.

— Господи! — взмолился инспектор, предвидя неприятности. — Избавь меня от работы хотя бы во время сна!

— Было бы гораздо лучше, если бы он избавил вас от сна во время работы. — Сержант был неумолим. Как всегда. — Но не пугайтесь. Ничего страшного не случилось. Просто я зашел попрощаться.

— Что такое? — Борг окончательно проснулся. — Вас переводят в полицию нравов?

— Да нет. Внезапно умер дядюшка Горнон, мой далекий, но богатый родственник с острова Хого-Бого. Это где-то у западного побережья Африки. Так вот, оказалось, что я — его единственный наследник, и теперь мне надо срочно лететь туда, чтобы уладить все формальности. Вылет через час, поэтому я заскочил буквально на пять минут.

— Поздра.., то есть сочувствую вашему горю. — Инспектор даже чуть приподнялся из-за стола. — Надолго вы улетаете?

— Вы же знаете, как долго длится вся эта бодяга. Но, думаю, недели через две вернуться.

— Чертовски обидно! — добавил Глум через мгновенье. — Ведь через восемь дней у меня юбилей, так хотелось отметить его с вами.

— Действительно, жаль. Я приготовил вам такой чудесный подарок. Впрочем, — инспектор оживился, — я вышлю его по почте, и вы получите его прямо в день рождения.

— О, нет, нет! — Глум испуганно замахал руками. — Только не почтой! Лучше вручите лично, когда я вернусь. А то местные почтальоны — дядя не раз писал мне об этом — крепко нечисты на руку и могут опустошить вашу посылку. При этом самое смешное заключается в том, что сам ящик, пусть и пустой, они вам обязательно доставят. Вместе с квитанцией.

— И им это сходит с рук? — искренне удивился инспектор.

— Запросто! Начальник единственного на Хого-Бого почтового отделения — родной брат короля острова, а местные законы не предусматривают наказания воров-почтальонов.

— Что же, они вскрывают любую посылку? — похоже Борга заинтересовала эта история.

— Как ни странно, нет. Если на посылку навесить амбарный замок — и чем больше, тем лучше, — она придет нетронутой.

— Хорошо, я так и сделаю. — Так же неожиданно инспектор потерял интерес к разговору и снова сел, положив голову на стол. — Желаю подцепить какую-нибудь тропическую красотку, — сонно добавил он и закрыл глаза.

— Постойте, инспектор! — сержант опять растолкал засыпающего сыщика. — Но ведь тогда вам придется заранее отдать мне ключ от замка на вашей посылке.

— Ерунда, — инспектор снова уронил голову на манящую плоскость своего стола. — Просто я пошлю вам две посылки. — Последние слова он произнес уже еле слышно.

Через минуту полицейское управление оглашал мелодичный храп инспектора Борга.

С улицы донесся нетерпеливый гудок такси.

— Иду, иду! — заторопился Глум, с досадой взглянув на умиротворенное лицо знаменитого сыщика. — Теперь всю неделю буду думать, как это он собирается переслать мне подарок с помощью двух посылок да еще так, чтобы содержимое не пропало и в то же время я смог бы до него добраться.

А в самом деле, что имел в виду инспектор Борг, говоря о двух посылках?

Нападение на антикварную лавку

В самый разгар финального футбольного матча в полицейском управлении раздался звонок. Раздосадованный сержант Глум, дежуривший в это время, с трудом оторвался от телевизора.

— Полицейское управление! — грозно рявкнул он в трубку.

— На Кленовой улице ограбление антикварной лавки, — прогнусавил кто-то на другом конце линии. — Поторопитесь, есть жертвы.

И тут же сержант услышал короткие гудки отбоя...

Оперативная группа, возглавляемая инспектором Боргом, прервавшим партию в шахматы с самим собой, прибыла на место проис-

шествия уже через десять минут после анонимного звонка.

На чуть приоткрытой двери в антикварную лавку болталась табличка «Извините! У нас перерыв на полчаса». В небольшом, но уютном помещении магазина царил полумрак. У самого входа тихо стонал оглушенный охранник, чуть дальше, у великолепного секретера из красного дерева, спиной к двери сидел крепко связанный молодой человек в белоснежной рубашке и с запрокинутой головой. В зеркале, стоящем перед ним, отчетливо отражались его закрытые глаза и грубый кляп во рту. Он был в глубоком обмороке.

— Развяжите его и приведите в чувство! — коротко приказал Борг, внимательно оглядывая комнату, тесно заставленную дорогой мебелью на изогнутых ножках. На стенах тускло мерцали позолоченные рамы старинных картин, в углу мерно отсчитывали время напольные часы в изумительной резной оправе. Позади, за пуленепробиваемыми стеклами витрин плавилась под солнцем пустынная улочка, лишь изредка оживляемая проползающими автомобилями…

— А вот и наш герой! — услышал Борг неестественно бодрый голос сержанта. Повернувшись, он увидел, что пострадавшего уже освободили от веревок и теперь, пугливо ози-

раясь, он стоял у декоративного камина, тщетно пытаясь прийти в себя. Выражение ужаса, казалось, навсегда прилипло к его лицу.

— Подойдите сюда, — попросил несчастного Борг, — и расскажите все, что помните.

Близоруко щурясь, на неестественно прямых ногах тот сделал несколько нетвердых шагов и плюхнулся в услужливо подставленное Глумом антикварное кресло.

— Меня зовут Эль Дао, — тут же сбивчиво начал рассказывать он, лихорадочно блестя глазами. — Я — продавец в этом магазине, принадлежащем господину Стратосу. Примерно полчаса назад, когда я расставлял на полках серебряный гарнитур прошлого века, у входа послышался какой-то шум. Обернувшись, я увидел сползающего на землю охранника с пробитой головой и человека в жуткой маске и с пистолетом, бегущего ко мне... От страха и неожиданности я буквально оцепенел. Через мгновение громила уже держал пистолет у моего виска, требуя ключи от шкафа с золотыми украшениями. Я не мог даже пошевелиться. Тогда он сам обыскал мои карманы, нашел связку ключей, после чего крепко связал меня, посадив на этот стул. Нужный ключ он подобрал буквально за минуту, также быстро выгрузил золото в пластиковый мешок и тут

же бросился к выходу, на ходу срывая с себя маску. На улице его уже ждала машина…

— Откуда вы могли это знать? — прервал рассказчика Глум. — Ведь вы сидели спиной к выходу.

— Да, конечно, — неожиданно улыбнулся юноша, — но прямо передо мной было зеркало, вмонтированное в секретер, и я все прекрасно видел. Больше того, я даже успел запомнить номер и марку машины. А потом, — он опять виновато улыбнулся, — я потерял сознание.

— Вы видели машину и номер! Вот это удача! — обрадовался сержант, радостно потирая руки. — Это поможет нам в поисках преступника.

— Да, действительно, — согласился инспектор Борг, до этого не проронивший ни слова. — Особенно, если учесть, что он перед нами. Осталось найти второго. Ведь вас было двое, не правда ли? — ласково обратился он к онемевшему продавцу.

Неудачное свидание

Сержант полиции, погруженный в размышления, столь же нелеп, что и профессор, разгоняющий демонстрацию. Вот почему инспектор Борг не смог удержаться от улыбки, обнаружив своего простодушного напарника в позе роденовского мыслителя за компьютерным столом.

— Когда сержанты начинают задумываться, армия гибнет, — произнес он вместо приветствия. — Надеюсь, кроссворд из «Мурзилки» оказался не слишком сложным?

— О-о, инспектор! — Сержант не заметил колкости и был явно рад появлению Борга. — Я как раз хотел идти к вам. От вас зависит мое личное счастье!

— Вам что мало Матильды? — удивился Борг, сразу поняв, в чем дело.

При упоминании жены Глум непроизвольно вздрогнул и, оглянувшись по сторонам, перешел на шепот:

— Тут вот какое дело. Месяц назад я получил по электронной почте письмо от своей поклонницы. Она случайно видела меня в одном деле и влюбилась без памяти.

— Это наверно, когда вы улепетывали от Карлика Монга, — снова не удержался от иронии Борг.

— Вряд ли, — сержант был непробиваем. — В общем, это неважно. Главное мы стали переписываться, и я просто втюрился в Математильду — так она подписывалась. А вчера я послал ей предложение встретиться. И вот сегодня пришел ответ — полюбуйтесь.

Глум в сердцах бросил на стол листок с распечатанным сообщением:

«Вот время и место встречи.

CTUJLYZ 17-00 E GFVZNYBRF RFPFYJDT RHFCYSQ GKFO

Если разгадаешь, я твоя! Математильда»

Я уже два часа бьюсь над этим шифром. Вся надежда на вас.

Ну-ка, ну-ка, — Борг поднес листок к глазам. — Любопытно... Любопытно... — пробормотал он и вдруг подбежал к компьютеру. — Кажется, я понял, в чем тут дело. Точно! — Инспектор радостно потер руки. — А она мне

нравится, эта ваша Математильда. Здорово придумано!

— Ну что, что там написано? — Глум с нетерпением теребил за рукав инспектора.

Борг уже открыл было рот, но в последний момент осекся. Пожалуй, не стоит разрушать семейную жизнь Глума, подумал Борг, глядя на вожделеющего приключений сержанта. К тому же — он взглянул на часы — до встречи осталось 15 минут. Еще успею. Вслух же он сказал совсем другое:

— Эта женщина слишком умна для вас. Шифр основан на принципе константной эгзибиции дивергентного гомеостаза. — Лицо Глума в испуге вытянулось. — И я просто боюсь за вас. Тяжелая душевная травма плохо скажется на вашей работе. Поэтому, извините, сержант, но тайна Математильды останется нераскрытой. Счастливо! Мне надо спешить.

Последние слова Борг произнес уже в дверях, на ходу напяливая пальто.

Как инспектору Боргу удалось расшифровать сообщение Математильды?

Таинственная книга

Ничто так не примиряет с действительностью, как последние минуты рабочего дня. Закончив все дела, инспектор Борг сладко потянулся, предвкушая запотевшую кружку «Гиннеса» в любимом Джаз клубе. И в этот волнующий момент в кабинет ввалился неестественно возбужденный сержант Глум, подталкивая престранного субъекта с иссиня-черной бородой и горящими глазами. У собак блохи, у людей неприятности, вспомнилось Боргу — он уже понял, что музыка для толстых откладывается.

— Скажите, инспектор, — с порога начал Глум, — как вы относитесь к религии?

— Слава богу, я — атеист, — отшутился Борг, изучая загадочного спутника сержанта.

— Так-так, — Глум многозначительно переглянулся с бородатым. — А что вы, к примеру, думаете, о магах и экстрасенсах?

— После трех кружек пива они мне начинают нравиться, — опять уклонился от прямого ответа инспектор, начиная нервничать. — Да что вы ко мне пристали?

— А то, — Глум злорадно ухмыльнулся, — что сейчас вам будет не до шуток, и вы измените свое отношение ко всяким там барабашкам. Вот смотрите, — это известный маг и астролог Глоболонго. — Сержант почтительно указал на бородатого, тот важно поклонился. — Он настоящий колдун. В прошлом году он моей Матильде так ауру исправил, что она до сих пор его вспоминает.

Маг покраснел и потупился.

— Так вот, — с придыханием продолжал Глум, отчаянно жестикулируя, — этот великий человек только что пришел в полицию за помощью. Он рассказал мне такое, что у меня волосы встали дыбом. Это просто чудо! Сейчас я все объясню.

— Нет-нет! — запротестовал Борг, зная косноязычие своего напарника. — Пусть лучше господин Гробоконго сам все расскажет.

— Я чувствовал, — зловещим голосом начал Глоболонго, вперив немигающий взгляд в инспектора, — что сегодня должно было

что-то случиться. Ведь Стрелец сейчас находится в восходящем положении, а Весы…

— Да, да я в курсе, — не моргнув глазом, солгал Борг, прерывая астрологические излияния мага. — Но мы больше занимаемся земными делами.

— Мой личный секретарь пропал, — неожиданно просто сказал Глоболонго, — при воистину мистических обстоятельствах.

— Когда это случилось? — поморщившись, спросил Борг.

— Два часа назад. Ко мне пришел очень странный посетитель в маске. Он был горбат и сед. Скрипучим голосом незнакомец сообщил мне, что принес одну уникальную книгу тысячелетней давности. Еще он сказал, что называется она «Книга песка и тумана» и хранится в его семье уже несколько поколений. Однако никто никогда не открывал ее, потому что семейное предание гласило: каждый, кто откроет эту книгу, исчезнет. Естественно, я захотел увидеть ее. Горбун ответил, что оставил книгу в приемной, попросив моего секретаря не открывать ее. Я с нетерпением выбежал в приемную. К моему изумлению, там никого не было. Какая-то древняя книга лежала раскрытой на столе секретаря. Но его самого не было, — растерянно повторил маг.

— Но ведь он мог куда-нибудь выйти, — резонно предположил Борг.

— Но дверь была заперта изнутри! К тому же мой секретарь обязательно предупредил бы меня. Наконец, он бы в любом случае вернулся.

— Да-а, — задумчиво протянул инспектор, не в силах сдержать улыбки, — случай и впрямь необычный. Боюсь, что полиция здесь не поможет.

— А что я вам говорил! — торжествующе завопил Глум, потирая руки. — Значит, вы тоже поняли, что без магии тут не обойтись?

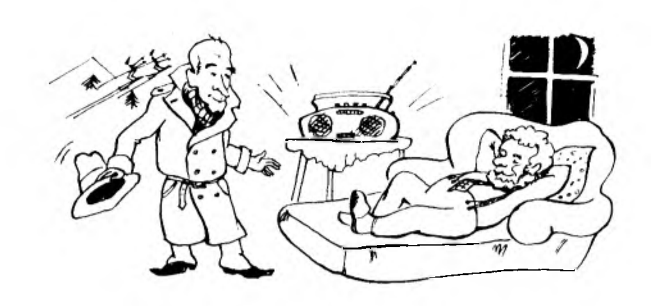
— Не знаю, не знаю, — пробормотал «великий маг». — Я пробовал разные заклинания, — но магия книги оказалась сильнее. А моего бедного мальчика теперь не вернуть. Он был такой веселый и способный юноша.

Глоболонго всхлипнул и смахнул набежавшую слезу.

— Не сомневаюсь в его способностях! — снова улыбнулся Борг. — Но в любом случае ему ничего не угрожает.

Почему инспектор Борг сделал такой вывод?

Случай в горах

Воскресным вечером доктор Одингот, лежа на диване, слушал джаз. Как обычно. Он не изменил своей позы даже тогда, когда в полуоткрытую дверь террасы протиснулся инспектор Ступорс. Смущенно кашлянув, он застыл над бренным телом доктора.

— Что там у вас на этот раз, инспектор? — не открывая глаз промычал Одингот.

— Дело о наследстве, сэр.

— Опять наследство, — поморщился доктор, но громкость чуть-чуть убавил. — Выкладывайте.

— Вы, конечно, знаете о неожиданной смерти Грэга Чебуракиса, — с готовностью начал Ступорс.

— Ну да, нефтяные заводы, океанские верфи и прочее, — вяло откликнулся доктор.

— Вот, вот, — заторопился Ступорс, — видя, что собеседник стал терять интерес к разговору.

— У Чебуракиса не было законных наследников, и большую часть своего огромного состояния он собирался завещать своей многолетней любовнице. Но за день до смерти порвал завещание, узнав о ее измене. В итоге на деньги Чебуракиса претендовал один его дальний родственник. Но неделю назад, — заволновался Ступорс, — заявился некто Нехороски, бывший инструктор по альпинизму, предъявивший рукописную записку Чебуракиса, в которой Грэг обещал этому типу половину состояния за спасение своей бесценной жизни.

— Это действительно имело место?

— Трудно сказать, — развел руками инспектор, — во всяком случае доподлинно известно, что двадцать лет назад этот самый Нехороски помогал Чебуракису совершить восхождение на одну из не самых высоких вершин Гималаев. И вот там на высоте шести тысяч метров Чебуракис якобы сорвался в пропасть, а Нехороски, рискуя жизнью, вытащил его. Тогда растроганный Чебуракис вытащил ручку и окоченевшими от сильного мороза пальцами нацарапал на клочке бумаги обещание завещать Нехороски половину своего состояния.

— И в чем же проблема? — неожиданно очнулся доктор Одингот, с трудом разлепив глаза.

— Дело в том, что сам Чебуракис никогда не вспоминал об этом трагическом случае в горах. К тому же эксперт, изучавший текст записки, высказывает сомнения в ее подлинности, хотя и допускает, что ее написал Чебуракис, учитывая экстремальные условия, в которых тот находился. Но я хотел бы, чтобы вы сами взглянули на копию этой записки. — Ступорс стал суетливо рыться в портфеле. — Хотя чернила выцвели от времени, — добавил он, доставая листок бумаги, — текст легко разобрать.

— Уберите ее обратно. — Одингот снова прикрыл глаза. — Записка наверняка поддельная.

Почему доктор Одингот сделал такой вывод?

Перчатка и револьвер

Телефон зазвонил как всегда не вовремя. С трудом оторвавшись от компьютера, доктор Одингот поднял трубку.

— Очень важное дело, сэр, — донесся откуда-то издалека взволнованный голос инспектора Ступорса. — Убит профессор Козероги. Есть некоторые странности. Я надеюсь на вашу помощь, сэр, — добавил Ступорс после паузы. — Вы знаете, куда ехать.

— Хорошо, буду, — доктор в сердцах бросил трубку на рычаги...

Через двадцать минут доктор уже поднимался по ступенькам роскошного особняка семьи Козероги навстречу предупредительному Ступорсу. Инспектор тут же стал вводить доктора в курс дела:

— Кроме профессора в момент убийства в доме находилась его жена Нейла, ее сестра Лори и охранник Бэнг, чрезвычайно надежный человек. Час назад в кабинете Козероги раздался выстрел, и Бэнг, куривший внизу, на ступеньках, — кстати, это подтвердили случайные прохожие, — тут же побежал к боссу. В дверях его кабинета он столкнулся с сестрами Кискас (это их девичья фамилия), якобы только что вбежавшими туда. Козероги с простреленной головой лежал на полу, рядом лежал дымящийся револьвер. Вроде бы обычное самоубийство.

— Ну и что же тут странного? — спросил Одингот, еле поспевая за инспектором.

— Странным было то, что на револьвере не было обнаружено отпечатков пальцев.

— Еще что-нибудь? — доктор едва уловимо нахмурился.

— Да. Недалеко от револьвера Бэнг обнаружил стильную дамскую перчатку с монограммой Нейлы Козероги.

— Понятно, — задумчиво протянул Одингот. — А что говорят сестры?

— Обе они утверждают, что, услышав выстрел, тут же ринулись из своих комнат к месту происшествия и фактически одновременно ворвались в кабинет профессора. Да вот и они. — Ступорс кивнул головой в сторону двух моло-

дых женщин, сидевших на разных концах огромного дивана в холле особняка. Та, что справа, — инспектор указал на эффектную блондинку, руки которой, унизанные перстнями, все время находились в движении, — Нейла. А другая, естественно, Лори.

Доктор чуть дольше задержался взглядом на хрупкой блондинке, нервно курившей длинную тонкую сигарету.

— А для чего вам понадобился я? — вдруг остановился доктор. — Дело, по-моему, ясное. Задержите Лори Кискас и выясните, зачем ей понадобилось убивать профессора.

Почему доктор Одингот уверен в виновности Лори?

Криминальное блюдо

Вечер обещал быть приятным. Маленький ресторанчик «У дяди Бэна» всегда славился отменной кухней и безукоризненным обслуживанием. Предвкушая фирменное рагу из косули, доктор Одингот закрыл глаза. Тихая музыка и мелодичный звон бокалов, доносящийся с соседних столиков, навевали приятную дремоту.

— А вот и наш ужин, — прервал гастрономическое забытье доктора скрипучий голос инспектора Ступорса.

Очнувшись, Одингот увидел летящего к их столику знакомого официанта. На его правой руке притягивал взоры поднос с дымящимися блюдами.

— Ваше рагу, господа, — томно произнес официант, поравнявшись со столиком, за кото-

рым сидели Одингот и Ступорс. Ловко и быстро расставив тарелки и всевозможные соусники, он столь же стремительно удалился.

Проголодавшиеся сыщики тут же набросились на еду. Ближайшие несколько минут за столиком было слышно лишь звяканье приборов...

Внезапно в дальнем конце небольшого зала произошло какое-то движение. Тот самый официант выскочил из коридора, ведущего на кухню, и прохрипел, размахивая руками:

— Кто-нибудь! Помогите! Скорее!

Не медля ни секунды, доктор Одингот бросился на помощь. Тщательно прожевав аппетитный кусочек мяса, инспектор Ступорс аккуратно сложил салфетку и засеменил вслед доктором.

— В чем дело, Астэр? — Одингот уже стоял перед напуганным официантом.

— Несчастье, сэр. Кто-то оглушил нашего босса и, видимо, забрал деньги из сейфа.

— Как вы это установили? — вмешался подоспевший Ступорс.

— Кабинет Бэна, — охотно пояснил официант, — находится как раз в этом коридорчике, по которому мы с Бандеросом — это второй официант, мой напарник, — все время носили заказы из кухни. Пробегая последний раз

мимо, я увидел, что дверь раскрыта, а босс лежит без сознания перед пустым сейфом. Приведя его в чувство, я тут же побежал звать на помощь.

— Давайте все-таки пройдем в кабинет, — предложил доктор, и все трое двинулись в коридор.

На распахнутой двери в кабинет владельца ресторана красовалась бронзовая табличка «Бэн Гурманоид». Сам хозяин, сидя на полу у раскрытого сейфа, прижимал рукой мокрую тряпку к здоровенной шишке на виске. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что сейф был пуст. Абсолютно пуст.

— Инспектор Ступорс, криминальная полиция, — оттеснив остальных, выступил вперед приятель Одингота.

— Бэн, — поморщившись, босс оторвал руку от виска и протянул ее для приветствия.

— Что тут произошло? — деловито поинтересовался Ступорс.

— Кто-то неслышно вошел в кабинет, подкрался сзади и шарахнул меня по виску как раз в тот момент, когда я собирался достать деньги из сейфа. Больше я ничего не помню.

— А кто мог сюда зайти?

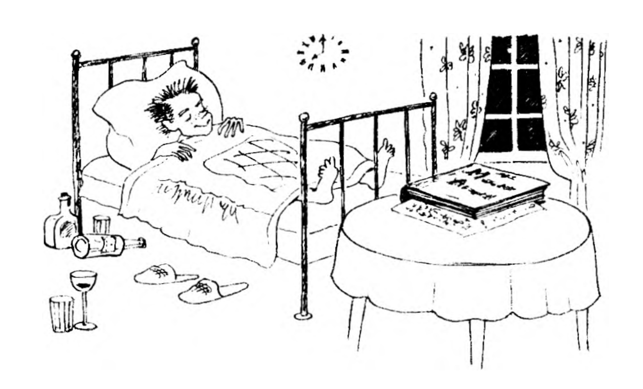
— Кроме обоих официантов, никто не входил и не выходил из коридора, — протиснулся в кабинет бармен. — Я бы обязательно увидел.

— Так, — многозначительно произнес Ступорс, вперив тяжелый взгляд в побледневшего Астэра, — значит, подозреваемых двое.

— Но я не виноват! — пролепетал официант, пятясь к стене.

— Не волнуйтесь, Астэр, — подал, наконец, голос доктор Одингот, — это наверняка сделали не вы.

Почему сыщик уверен в алиби официанта?

Непризнанный гений

Аромат свежезаваренного кофе приятно щекотал ноздри. Слегка пригубив из своей чашечки, доктор Одингот вернулся к прерванной беседе.

— Ну а как успехи вашего сына? — обратился он к инспектору Ступорсу, разделившему с ним скромный завтрак в кафе «Сладкая жизнь».

— Прекрасно! — сразу засиял Ступорс, отставив стакан с минералкой. — Вы же знаете, мой мальчик всегда имел блестящие способности к математике. В этом году он заканчивает математический факультет университета и, наверно, будет оставлен на кафедре. Но это что! — инспектор чуть понизил голос и беспокойно оглянулся по сторонам. — Я думаю, Денни на пороге большого открытия.

— Открытия? — рассеянно повторил доктор, все еще смакуя обжигающий кофе.

— Ну да, — заволновался Ступорс, доставая какой-то помятый листок из портфеля. — Послушайте, что он написал мне в последнем письме. — Инспектор поднес листок к глазам и прокашлялся: «...Дела в математике идут у меня как нельзя лучше, и если мне удастся кое-что вспомнить, то скоро я буду знаменитым. Не удивляйся, сейчас ты все поймешь.

18 марта, то есть ровно две недели назад, я вернулся на квартиру, которую мы снимаем вместе с Доном Поленосом, далеко заполночь. После студенческой пирушки в голове у меня шумело, и чтобы немного сосредоточиться, я сел за стол и стал вчитываться в раскрытую книгу. Там описывалась знаменитая теорема Ферма, которую почти триста лет не может доказать человечество. Через пять минут в голове у меня внезапно прояснилось, и тут я как будто увидел необычайно простое и изящное доказательство этой теоремы. Дрожащими руками, сам себе не веря, я схватил первый попавшийся клочок бумаги и тут же набросал на нем идею доказательства. Затем вложил листок в раскрытую книгу, упал на кровать и мгновенно заснул.

Наутро я не помнил ничего, кроме того, что вложил листок между 21-й и 22-й страни-

цами книги. Первым делом я бросился к столу. Каково же было мое изумление, когда я не обнаружил заветного листка в нужном месте. Оказалось, что мой сосед, этот безмозглый историк, стал точить на нем карандаш, а затем выбросил его в мусоропровод... И теперь я каждый день мучительно вспоминаю свое доказательство и верю, что все-таки восстановлю его...»

— Неправда ли, у парня хорошая голова? — смахнув слезу умиления, инспектор бережно спрятал письмо обратно.

— О да, — охотно согласился доктор Одингот, — и хорошее чувство юмора.

Что имел в виду доктор?

Игра вслепую

Ближе к полудню шахматный клуб «Два ферзя» был переполнен и гудел от взволнованных голосов поклонников этой древней игры. Еще бы! Через несколько минут здесь должен был состояться уникальный сеанс одновременной игры вслепую сразу на 40 досках. Проводить сеанс собирался гроссмейстер Матюгалис из далекой латиноамериканской страны, совершающий турне по Европе. Только вчера он вместе со своим ассистентом прибыл в аэропорт «Апсон» и уже сегодня вечером должен был лететь дальше.

Интерес к матчу был огромным, и, хотя билеты для зрителей стоили очень недешево, все они были раскуплены. Всех привлекали и необычные условия, выдвинутые Матюгали-

сом: в случае, если он не проиграет ни одной партии, весь сбор от продажи билетов (за вычетом налогов) пойдет ему. В противном случае деньги возвращались зрителям. В столь грандиозных сеансах, да еще и вслепую, никогда не обходилось без поражений мастера, поэтому зрители, в том числе и доктор Одингот с инспектором Ступорсом, надеялись на то, что это удовольствие обойдется им бесплатно.

Ровно в 12 откуда-то сбоку на огромную сцену, тесно заставленную шахматными столиками, стремительно вылетел черноволосый красавец в безупречном костюме. «Матюгалис!» — пронесся по залу восторженный шепот. Следом за гроссмейстером проворно семенил маленький, невзрачный человечек, его ассистент.

Быстро пожав руки судье и директору клуба, Матюгалис кратко поприветствовал зрителей и игроков, а затем уселся в специально приготовленное кресло на самом краю сцены, спиной к игрокам. Судья поднял руку и... игра началась.

После того, как очередной игрок делал ход, к нему тут же подбегал ассистент гроссмейстера и, записав этот ход на листке, столь же быстро относил его маэстро. Едва взглянув на листок, Матюгалис на несколько мгновений погружался в тяжелое раздумье, после чего то-

ропливо писал на другом листке ответный ход. Безропотный ассистент в тот же миг относил его игроку и переходил к следующему столику. Там эта процедура повторялась снова и так далее...

Через полчаса сдался игрок под номером 17. Еще через несколько минут сдался № 25, затем № 38, ... Через час все было кончено. Матюгалис не проиграл ни одной партии! Потрясенные зрители шумно зааплодировали, приветствуя победителя. С трудом приподнявшись с кресла, враз осунувшийся гроссмейстер, устало раскланялся и поспешно удалился со сцены.

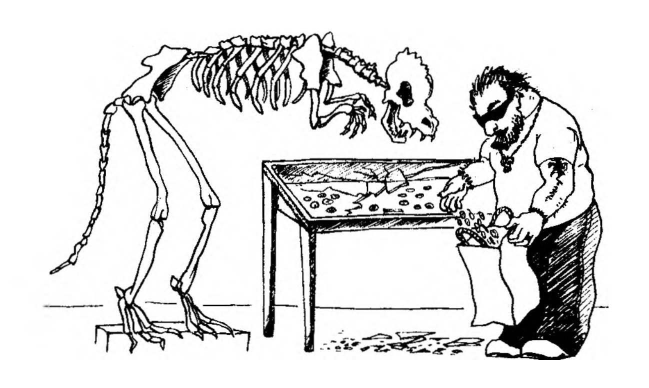
— Не правда ли, впечатляет? — наклонился к доктору Одинготу инспектор Ступорс.

— М-да, — неопределенно промычал тот. — Но вы уверены, что это не самозванец? Ведь в лицо его никто не знает.

— Его игра говорит сама за себя, — возмутился Ступорс. — К тому же вы, наверное, видели в фойе клуба гроссмейстерский диплом Матюгалиса. Или в нем вы тоже сомневаетесь?

— Нет, — улыбнулся доктор, — диплом настоящий, и игра, действительно, на уровне. Но гроссмейстер Матюгалис все-таки жулик.

Почему доктор Одингот сделал такой вывод?

Монеты для бульдозера

Ровно в полночь сработала сигнализация в Доисторическом музее. Неизвестный преступник, каким-то образом проникший в хранилище, разбил бронированное стекло витрины и похитил бесценную коллекцию древних монет. Скрытая видеокамера зафиксировала смутное изображение весьма упитанного бородатого субъекта, лихорадочно запихивающего реликвии в пластиковый мешок.

— Ба! Да это же Стибрилли, по кличке Бульдозер! — поразился инспектор Ступорс, через час после происшествия просматривавший видеопленку с записью.

— Похоже на то, — хмуро согласился доктор Одингот, прервавший среди ночи увлекательную партию в преферанс, — но твердой

уверенности нет. Пожалуй, — мстительно улыбаясь, добавил он, — стоит навестить Бульдозера и поднять его из теплой постельки.

— Согласен, — одобрительно кивнул Ступорс и тут же стал вызывать служебную машину...

Буквально через полчаса оба сыщика уже стояли у порога небольшого пошарпанного домика на 5-й улице 6-го Марта, изо всех сил колотя в неожиданно крепкую для такой лачуги дверь. Через несколько томительных минут в доме послышались тяжелые шаги, и чей-то хриплый заспанный голос произнес:

— Кто там?

— Откройте! Полиция! — пискнул Ступорс.

Тяжелая дверь чуть-чуть приоткрылась, и в образовавшуюся щель выглянул сизый нос Стибрилли.

— Какого черта вам надо?!

— Вы подозреваетесь в ограблении Доисторического музея, — отодвинув Ступорса, выступил вперед доктор Одингот. — Этой ночью там была похищена уникальная древняя коллекция.

— А при чем тут я? — возмутился Стибрилли, распахивая дверь. — Я с вечера не выходил из дома. Мы с малышкой Ру отмечали годовщину моего последнего освобождения.

Так что у меня алиби, — ухмыльнулся Бульдозер, смачно почесывая волосатую грудь в наколках. — К тому же я предпочитаю собирать только современные монеты, — загоготал он, и все три его подбородка заколыхались в такт смеху.

— Это мы еще проверим, — усомнился Ступорс, снова беря инициативу в свои руки. — А где сейчас ваша подружка?

— Да вон она храпит в комнате. Разбудить?

— Нет, не надо, — вмешался Одингот. — Это все равно вам не поможет.

Почему знаменитый сыщик не поверил Бульдозеру?

Верное средство

Доктор Одингот никогда не приходил на встречу с женщинами вовремя. «Пунктуальность — вор времени», любил повторять он знаменитую фразу Оскара Уайльда. Впрочем, он никогда и не опаздывал, приходя заранее. В эти минуты я получаю гарантированное удовольствие, — объяснял он свою странную привычку знакомым, — а дальше еще неизвестно как будет...

Вот и на этот раз доктор заявился на свидание с новой подружкой за 20 минут до условленного времени. Прогуливаясь по перрону одетой в мрамор станции подземки, он с интересом вглядывался в лица снующих мимо пассажиров. Внезапно на его плечо легла чья-то рука. Боже, с испугом пронеслось в голове

Одингота, не дай ей испортить прелюдию. Однако, обернувшись, он с облегчением увидел до боли знакомую физиономию инспектора Ступорса.

— Что вы здесь делаете? — радостно проблеял Ступорс.

— У меня деловая встреча, — уклончиво ответил доктор, непроизвольно отметив возбужденное состояние коллеги.

— С поездом? — позволил себе шутку инспектор.

— Всегда ценил ваш полицейский юмор, — широко улыбнулся Одингот. — А вы, судя по всему, торопитесь?

— О, да! — оловянные глазки Ступорса неестественно заблестели, он перешел на шепот. — Я еду на прием к доктору Обмишулеру.

— Доктору Шулеру? — не расслышал Одингот.

— Обмишулеру! — обиженно отчеканил Ступорс. — Спайк Обмишулер — уникальный специалист по выращиванию волос.

— Выращиванию волос? — поразился Одингот. — На чем?

— На голове, конечно, — раздраженно взмахнул рукой инспектор, непроизвольно коснувшись чахлой растительности, беспорядочно рассеянной на его удлиненном черепе.

— А с чего вы взяли, что он такой уникальный?

— Вот! Смотрите! — Ступорс сунул в руки Одинготу помятый листок глянцевой бумаги.

Верхнюю половину листа занимала цветная фотография какого-то смуглого человека с буйной шевелюрой и горящими глазами. Ниже громадными буквами было напечатано:

У ВАС РЕДКИЕ ВОЛОСЫ? — НЕ БЕДА! ВЫ АБСОЛЮТНО ЛЫСЫ? — НЕ ПРОБЛЕМА! ВСЕГО ЗА ОДИН СЕАНС У ЛЕГЕНДАРНОГО ДОКТОРА ОБМИШУЛЕРА (см. фото) У ВАС БУДУТ ВОЛОСЫ НЕ ХУЖЕ, ЧЕМ У НЕГО!

Ниже, более мелко было добавлено:

Стоимость сеанса — 2000 доблей. Желающие принять участие в уникальном лечебном сеансе, звоните по телефону…

— М-да, — восхищенно протянул Одингот, — возвращая листок Ступорсу, — здорово придумано! Парень, видно, и впрямь талантливый.

— Правда? — засиял инспектор. — Вы тоже так думаете?

— Да, но.., — замялся Одингот, выбирая выражения.

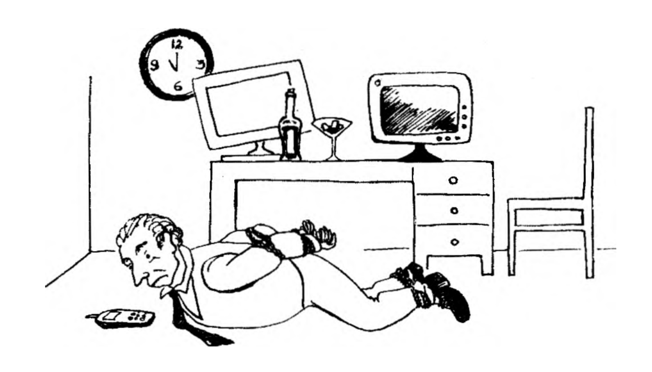
— О, извините, — дернулся Ступорс, заслышав лязг тормозов прибывшего поезда. — Бегу.

И он ринулся в раскрытые двери вагона.

— Постойте! — закричал вдогонку доктор, но инспектор уже не слышал его, протискиваясь в поезд.

— Бедняга! — с сожалением пробормотал доктор, провожая глазами макушку сыщика, сверкающую за стеклами уплывающего поезда. — Я знаю чем это кончится. Все дело в прическе этого самого Обмишулера...

Что имел в виду доктор Одингот?

Двое в масках

— Приходит как-то человек устраиваться на работу в строительную контору. Его спрашивают:

— Что вы умеете делать?

Он говорит:

— Могу копать.

— А еще что?

— Могу не копать.

Доктор Одингот не успел увидеть реакцию инспектора Ступорса на свой анекдот. Как раз в этот момент в 5-й кабинет полицейского управления, отведенный Ступорсу, ворвался дежурный:

— Инспектор, срочный вызов! На улице Дирижаблей ограбление торгового склада.

— О, это в двух шагах отсюда! — вскочил с места Одингот. — Пожалуй, я тоже поеду.

Через пять минут доктор Одингот уже входил в приоткрытую дверь склада. Осторожный Ступорс, выставив перед собой револьвер, семенил сзади. Первое, что они увидели, войдя в помещение, это связанного по рукам и ногам охранника, стонущего под столом с пультом сигнализации и маленьким телевизором. Развязав беднягу, сыщики бережно усадили его на стул. Дав ему отхлебнуть из бокала с мартини, стоящего на столе, инспектор приступил к допросу.

— Я — инспектор Ступорс из криминальной полиции. Назовите ваше имя и расскажите, что здесь произошло.

— Меня зовут Сим Шепелявичус, — прохрипел охранник. Поморщившись, он приложил к подбитому глазу кубик льда из бокала. — Сменив напарника, я собрался включить телевизор, чтобы посмотреть финал кубка чемпионов по футболу. В этот момент сюда внезапно ворвались двое громил в масках. Я выхватил пистолет, но они успели оглушить меня… . Пять минут назад я очнулся лежащим на полу и связанным. Оглядевшись, я понял, что склад ограблен… Тут я увидел мобильный телефон, видимо, оброненный одним из бандитов. Тогда я подполз к нему, с огромным трудом набрал номер и позвонил в полицию. Вот, собственно, и все.

— Когда это произошло? — нахмурившись, спросил Одингот.

— Дайте подумать, — здоровый глаз Шепелявичуса уставился на часы, висевшие на стене. — Где-то с час назад.

— Жаль, — вздохнул Ступорс. — Значит, они уже далеко.

— Не уверен, — усомнился Одингот. — Я думаю, у нас еще есть шанс догнать сообщников этого негодяя.

Почему доктор Одингот не поверил охраннику?

Криминальное трио

Вечерняя прогулка всегда настраивала доктора Одингота на философский лад.

— Увы, мой друг, — печально обратился он к инспектору Ступорсу, — почти все преступления бывают трех типов: из-за денег, пьянства или женщин. Причем первые обычно самые хитроумные, вторые — самые дикие, а третьи — самые глупые.

— Почему же глупые? — удивился Ступорс, вспомнив, как однажды в пылу семейной ссоры он чуть не задушил свою супругу.

— Да потому, что, как сказал один мудрец, никогда не надо бежать за женщиной или уходящим автобусом — через пять минут из-за угла появится следующий экземпляр.

— Это верно, — тоненько засмеялся Ступорс, и в эту секунду где-то сбоку раздался душераздирающий женский крик.

— Вот, пожалуйста! — тут же среагировал Одингот. — Опять третий тип и наверняка из-за какой-нибудь глупости. Но все-таки стоит посмотреть, в чем там дело. — Доктор решительно повернул в сторону, увлекая за собой Ступорса.

Не успели они подойти к ближайшему дому, как из его дверей с диким воплем выскочила совершенно обезумевшая женщина с растрепанными волосами и, пробежав несколько шагов, рухнула прямо в руки доктора Одингота.

— Случай кажется достаточно интересным,— пробормотал он, успев разглядеть, что несчастная весьма красива. — Успокойтесь, моя дорогая, вы вне опасности. Что случилось?

— Меня только что пытались задушить! — заплакала женщина, непроизвольно ощупывая синяки под правым ухом. — Господи! — неожиданно вскрикнула она, дотронувшись до шеи с другой стороны. — Он расцарапал мне шею! Как я теперь буду выглядеть в вечернем платье?!

— В гробу вы выглядели бы гораздо хуже, — вмешался Ступорс, ревниво наблюдающий, как доктор все еще прижимает к себе

красавицу. — Лучше успокойтесь, сухо добавил он, — и расскажите, как вас зовут и что там произошло.

— Меня зовут Деза Бездуховны, — все еще всхлипывая начала рассказывать женщина, — я — певица в рок-группе «Быдлз». Двое ребят из нашей группы, пианист Алеф Дринкман и гитарист Крен Кусаки, давно были влюблены в меня. Они оба тоже мне нравились, но я все никак не могла сделать выбор. Они же постоянно требовали от меня ответа. Наконец, месяц назад я обещала, что 1 апреля, то есть как раз сегодня, скажу им, кого я предпочитаю. Но так получилось, что за это время я встретила другого, о чем и сказала им час назад.

— Как они перенесли этот удар? — спросил Одингот.

— Алеф сначала стал сильно кричать на меня и бить посуду, а потом притих и начал пить рюмку за рюмкой. А Крен сразу как-то поник и только сказал, что давно ожидал чего-нибудь в этом роде. В конце концов Алеф сильно набрался и сказал, что пойдет спать, а Крен отправился наверх, чтобы успокоить нервы и поимпровизировать на гитаре.

— Кто-нибудь еще был в доме? — поинтересовался Одингот.

— Нет.

— Продолжайте рассказывать.

— Ну вот, дальше от всех этих переживаний у меня сильно разболелась голова и, оставшись одна, я стала рыться в сумочке, чтобы достать аспирин. Внезапно в комнате погас свет, и кто-то набросился на меня и начал душить. Я закричала и ударила его коленкой в пах. Он взвыл и на мгновение отпустил руки. Тогда я вырвалась и бросилась к выходу... Дальше вы знаете.

— Ну что ж, — бодро заключил Ступорс, доставая из кармана пистолет, — все понятно. Сейчас мы арестуем обоих молодчиков, а потом уж разберемся, кто из них больше любит Дезу Бездуховны.

— Я думаю, достаточно арестовать только одного, — возразил Одингот, с сожалением отпуская Дезу. — Совершенно понятно, что это — ...

Кого имел в виду доктор Одингот?

Смерть в особняке

— Так вы говорите, что проснулись от звука выстрела? — еще раз переспросил инспектор Ступорс, пристально глядя на сидящего перед ним Стина Бормотелло, тщедушного человечка в роскошном халате.

— Да-да, — быстро заговорил тот, нервно перебирая тонкими пальцами витой шнур на поясе. — Я проснулся ночью от сильного хлопка и сразу почувствовал неладное. Жены рядом не было, а дверь в коридор была приоткрыта. Выскочив из нашей спальни, я сразу побежал в японскую комнату — я знал, что иногда, в часы бессонницы, Фрина ходит туда и медитирует.

— Понятно, — многозначительно произнес Ступорс. Было видно, что ему ничего не понятно. — И что же было дальше?

— Дальше? — как-то сразу сник Бормотелло. — Фрина в ночной рубашке лежала там, посередине комнаты. В правой руке у нее был пистолет, а на груди, прямо напротив сердца, расплывалось кровавое пятно… Я сразу понял, что она мертва и тут же позвонил в полицию. Через десять минут приехали вы.… Вот, собственно, и все.

— А что представляет собой эта японская комната? — внезапно заинтересовался сидящий в углу доктор Одингот. Он только что прибыл в особняк Бормотелло, вызванный звонком Ступорса, и еще не успел разобраться в обстановке.

— Абсолютно пустая комната, — лаконично пояснил Ступорс. — На полу циновки, на стенах иероглифы.

— Быть может, рядом была предсмертная записка, какое-нибудь письмо, фотография? — продолжал допытываться Одингот.

— С точностью до трупа и пистолета идеально чистая комната, — с некоторой даже завистью повторил Ступорс, вспомнив беспорядок в своем кабинете.

— Ясно, — пробормотал Одингот и снова повернулся к хозяину особняка. — Был ли кто-нибудь еще в доме в это время?

— Я понял, куда вы клоните, — заторопился Бормотелло, — но кроме меня и Фрины

здесь никого не было. Так что это наверняка самоубийство.

— А вот в этом я как раз сомневаюсь, — усмехнулся Одингот. —Лучше расскажите, зачем вы перетащили труп вашей жены из спальни в японскую комнату. Хотя это и так понятно.

Почему доктор Одингот не поверил Стину Бормотелло?

Удар в спину

Многоквартирный дом на улице Дирижаблей давно не привлекал внимание полиции. Однако 3 июля, аккурат перед самым праздником Неповиновения, в полицейском управлении раздался звонок. Взволнованный старичок, проживающий в этом самом доме, сообщил, что только что слышал из соседней квартиры жуткий женский крик.

На место происшествия тут же выехали инспектор Ступорс, сержант Гризли и примкнувший к ним доктор Одингот. У 15-й квартиры их поджидал тот самый старичок. Войдя внутрь — дверь оказалась незапертой, — сыщики обнаружили в спальне остывающий труп молодой красивой женщины, лежащей на полу лицом вниз.

— Это Лина Завец, хозяйка квартиры, — запинаясь, забормотал старичок. — Она живет с мужем. Его зовут Меер. Сейчас он в командировке, в Аристополе, но сегодня должен приехать.

— Спасибо за информацию, — поблагодарил его Ступорс. — Мы поговорим с вами позже. А пока подождите у входа. Мы должны осмотреть место преступления.

Старичок послушно засеменил к выходу, а Ступорс и Одингот наклонились над бренными останками красавицы.

— Ну что ж, — монотонно и буднично забубнил инспектор, осматривая тело. — смерть наступила в результате сквозного ранения каким-то длинным и острым колющим предметом. Удар нанесен сзади, прямо под левую лопатку.

Он перевернул труп на спину. Под ним обнаружилась свернутая в рулон бульварная газетенка, заляпанная кровью, и карманная библия.

— Э-ге! — присвистнул доктор, поднимая газету. — Это же «Скандальная правда». Самая известная газета Аристополя.

— Так, так. — Инспектор радостно потер ладони. — Выходит, это мокрое дельце вполне мог провернуть муженек Лины.

— Да-а, — вздохнул Одингот, возвращая газету обратно, — удар в спину зачастую наносит тот, кого прикрываешь грудью.

— Причем, судя по всему, левой, — мрачно и плоско пошутил Ступорс, внимательно разглядывая выходное отверстие. — Отряхнув руки, он аккуратно вернул тело в прежнее положение. — Надо бы связаться с Аристополем.

— Возможно, это не понадобится, — возразил доктор Одингот, заслышав возбужденные голоса в прихожей.

В этот момент в дверях комнаты возник высокий брюнет с дорожным чемоданчиком в правой руке, еле сдерживаемый сержантом Гризли, оставленным у входа в квартиру.

— Пропустите! — кричал он, странно дергая левой щекой. — Я — Меер Завец, муж убитой!

Тут он увидел труп жены и как-то сразу сник.

— Боже мой, Лина, — с болью произнес он, — за что тебя так?

Сыщики тут же поспешили ему навстречу.

— Доктор Одингот и инспектор Ступорс, — представил обоих Одингот, выпроваживая беднягу в коридор. — Присаживайтесь. Вы, конечно, уже все знаете.

— Я знаю от соседа, — брюнет кивнул в сторону услужливого старичка, с любопыт-

ством выглядывающего из-за широкой спины Гризли, — что Лина убита и все. — Меер сел-таки на подставленный ему стул. — Я только что с вокзала... Спешил домой... И вот... — Он отвернулся.

— Да, да, я вас понимаю, — сочувственно кивнул Одингот и тут же перешел в наступление, — но у нас к вам есть несколько вопросов. Видите ли, в этом деле есть одно странное обстоятельство. — Одингот пристально посмотрел в глаза Мееру. — В комнате обнаружен вчерашний выпуск «Скандальной правды». А эта газета, как известно, выходит как раз в Аристополе.

— Н-не может быть! — чуть заикаясь, пролепетал вдовец. — Лина н-никогда не читала газет. А я п-приехал только что.

— Вы можете убедиться сами. — Доктор показал рукой в сторону спальни. — Газета лежит на библии. И, кстати, — Одингот лукаво прищурился, — принесите ее сюда. Я хочу проверить свою догадку.

Меер поднялся и на деревянных ногах прошествовал в спальню.

— Зачем вам эта пошлая газета? — удивленно прошептал прямо в ухо доктору Стуморс. — Сейчас бы лучше проверить его пальчики и сравнить с теми отпечатками, что будут найдены в спальне.

— Да знаю, знаю, — отмахнулся Одингот. — Но кое что можно проверить сразу. Давайте немного подождем.

Не прошло и минуты, как из спальни, шаркая ногами, вернулся побледневший Меер с газетой в руках.

— Вы были правы, — процедил он, не разжимая губ. — Это действительно «Скандальная правда». Косвенно это бросает тень на меня.

— Какое там косвенно! — всплеснул руками Одингот и обаятельно улыбнулся. — Я теперь точно знаю, что преступник — вы.

Почему доктор Одингот сделал такой вывод?

Ювелирное дело

Как обычно, полицейский участок встретил доктора Одингота беспрерывными телефонными звонками, суетой и неразберихой. Увидев склонившуюся над столом лысину инспектора Ступорса, он направился к нему. Всем своим видом инспектор выражал интеллектуальное страдание.

— Опять кроссворд? — доктор весело хлопнул беднягу по плечу. — Давайте помогу.

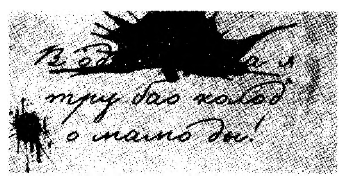
— А, это вы, — вздохнул Ступорс, придвигая еще один стул. — Садитесь.

Одингот охотно плюхнулся рядом.

— Поделитесь своим горем, дружище, — предложил он, — и жизнь покажется вам не такой грустной.

— Да вот, полюбуйтесь, — Ступорс пододвинул ему усеянный кляксами клочок бумаги.

На нем корявым почерком была выведена какая-то запись.

— Не знал, что вы увлекаетесь абстрактной поэзией, — улыбнулся доктор, едва взглянув на листок.

— Какая к дьяволу поэзия! — раздраженно огрызнулся Ступорс. — Это шифр!

— Шифр?! — оживился Одингот и сразу стал серьезным. — Ну-ка расскажите, откуда он взялся.

— Да тут и рассказывать нечего. Вчера ночью был ограблен ювелирный магазин недалеко от Дома моды. Сработала сигнализация, и патрульная машина приехала очень быстро. Подъехав к магазину, патрульный увидел двоих людей, разбегающихся в разные стороны. У одного был в руках продолговатый кожаный футляр. Кстати, впоследствии выяснилось, что как раз в таком футляре хранилась в сейфе только что поступившая партия бриллиантов. Полицейский, конечно, этого не знал, но бросился за тем из двоих, что был с футляром. На какое-то время он потерял бандита из виду, но через квартал догнал и задержал его. Им ока-

зался известный грабитель Уно Мордалли. Но свертка при нем не было.

— Понятно. — Одингота явно заинтересовала эта история. — Футляр он где-то спрятал, а теперь, конечно, заявляет, что первый раз слышит о бриллиантах. И вообще в тот вечер бегал трусцой.

— Точно! — восхитился Ступорс, но тут же подозрительно поглядел на доктора. — А откуда, собственно, вы это знаете?

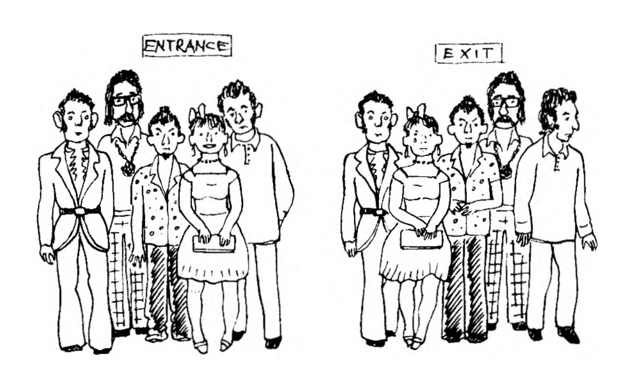
— Да я бы сам так сказал на его месте, — засмеялся тот.

— Ну и чем все это закончилось?

— Мы обыскали все закоулки, но ничего не нашли. Полная безнадега. Мордалли мы, естественно, задержали, но прямых улик против него нет. Правда, сегодня утром он пытался незаметно передать своему адвокату вот эту записку. Но что в ней написано, хоть убей, непонятно. Я уже три часа над ней бьюсь. Бесполезно! — Ступорс снова с ненавистью воззрился на каракули Мордалли и понизил голос до шепота. — А тут еще такая незадача: заряжал чернилами ручку и нечаянно капнул на листок. Полный мрак!

— Ну-ну, не вешайте носа, приятель, — утешил Ступорса доктор. — Мне кажется, шифр не такой уж сложный, и я думаю, что через полчаса мы найдем бриллианты.

Что имел в виду доктор Одингот?

Туфли звезды

Как обычно, ровно в пять часов пополудни доктор Одингот появился в уютном ресторанчике на Аллее Каштанов, дабы предаться гастрономическим излишествам. Через десять минут расторопный официант уже расставлял на его столике дымящиеся блюда с безумным ароматом. Сладострастно оглядев поле предстоящей битвы, доктор уверенно потянулся за приборами. Взгляд его затуманился.

— Точно такое же просветленное лицо было у вас на концерте симфонической музыки, — нарушил идиллию чей-то скрипучий голос.

Доктор вздрогнул и поднял глаза от тарелки. Прямо перед ним материализовалась из воздуха постная физиономия инспектора Сту-

порса. Тяжело вздохнув, доктор отложил нож и вилку.

— Садитесь, инспектор. Вы как всегда не вовремя. Что там случилось на этот раз? У вас есть ровно две минуты, пока не остыло блюдо.

— Да, да, конечно, — засуетился Ступорс, отодвигая стул. — Я быстренько.

Он уже доставал какие-то бумаги из тощего портфеля.

— Кража в Музее Современной Музыки. Похищены легендарные туфли на платформе Элви с Пресни, в которых он выступал на своих последних концертах. Бесценная вещь для всех его поклонников.

— Когда и как это случилось? — кровь постепенно отливала от желудка Одингота.

— Сегодня утром, — заторопился Ступорс, помня о двух отведенных ему минутах. — Где-то между одиннадцатью и половиной двенадцатого. Сигнализация почему-то не сработала, поэтому похититель скрылся. Единственное, что у нас есть, это сделанные скрытой камерой фотографии группы фанатов Элви, находившихся в его мемориальном зале в это время.

Ступорс бережно выложил на столик две фотографии.

— Вот здесь, — он ткнул пальцем в левый снимок, — они перед входом в этот зал,

а здесь — они же на выходе. Ясно, что это сделал кто-то из них. Но кто? И как? В любом случае мы смогли опознать всех пятерых, и в ближайшее время их доставят в управление.

— И из-за такой ерунды вы оторвали меня от «форели Людовика»? — раздраженно пробурчал доктор, снова берясь за приборы. — Совершенно понятно, кто и как это сделал.

— Кого вы имеете в виду? — завибрировал Ступорс, вперившись взглядом в доктора.

Но тот уже ничего не слышал, нанизывая на вилку янтарный кусочек своего любимого лакомства...

Кого на самом деле заподозрил доктор Одингот?

Странный свидетель

Слава свалилась на голову доктора Одингота сразу после блестящего расследования громкого дела о Субботнем Потрошителе. Не успела высохнуть краска на экстренном выпуске «Городских хроник», половину первой страницы которого занимал портрет пойманного маньяка, и только четверть — самого Одингота, как его уже стали узнавать на улицах. А перед входом в полицейское управление ему и семенящему рядом инспектору Ступорсу преградила дорогу дама необъятных размеров.

— Мистер Одингот! — с восторгом пробасила она, заключив перепуганного доктора в объятья. — Вы спасли наш город! Я так рада видеть вас!

Поскольку полузадушенный герой не издавал никаких ответных звуков, великанша разжала руки и, спохватившись, вытащила из своей сумочки тот самый номер «Хроник» и ручку.

— Вы непременно должны дать мне автограф!

— С удовольствием! — искренне обрадовался чудесному избавлению доктор и чиркнул на газете какую-то закорючку, после чего быстро юркнул в приоткрытую дверь управления.

— Не понимаю, — завистливо пробурчал Ступорс, — чего она-то радуется. Ведь Потрошитель интересовался только симпатичными и изящными девушками.

— Да, — двусмысленно поддакнул доктор, еще не пришедший в себя после бурного натиска поклонницы, — странные вкусы у этих маньяков. Но давайте не будем о грустном.

— Пожалуйста, — инспектор был сама любезность. — Я впервые сейчас увидел вашу подпись и удивился, какая она простая и неказистая.

Одингот нисколько не обиделся.

— Вы напомнили мне один старинный анекдот. «Почтальон много раз приносил неграмотной бабке пенсию, и она вместо подписи каждый раз ставила крестик. И вот в очередной раз она вдруг вместо крестика ставит нолик.

— Что случилось? — удивляется почтальон. — Вы же всегда подписывались крестиком!

— Да, — кокетливо отвечает старуха. — А теперь я вышла замуж и сменила фамилию.»

Тут доктор взглянул на непроницаемое лицо Ступорса и добавил:

— В принципе уже можно смеяться.

— Да, да, — спохватился инспектор и натужно улыбнулся. — Но ваш анекдот в свою очередь напомнил мне одного чудака, который проходил свидетелем по важному делу. Так вот он вместо подписи на листе с показаниями написал телефонный номер своей любимой девушки.

— Что, что? — поперхнулся доктор. — Телефонный номер?

— Вот именно! — с неожиданным жаром подтвердил Ступорс. — Я и сам сначала удивился и даже подумал, что этот парень, кстати, его зовут Глен Скабрези, издевается надо мной. Но он на полном серьезе сказал мне, что каждый человек имеет право подписываться как угодно и что ни в Уголовном кодексе, ни в Конституции нет никаких ограничений на этот счет.

— Здесь этот ваш Скабрези, конечно, прав, — согласился Одингот. — Но он все-таки с приветом.

— Только в этом пункте. А в остальном абсолютно нормальный человек. К тому же он

здорово помог своему боссу доказать алиби в деле о хищении.

— Хм, — доктор был явно озадачен. — А что это был за номер?

— 10-916-6. Я помню его до сих пор! Да вот взгляните сами, если не верите. — Порывшись в толстой папке, Ступорс вытянул лист бумаги. — Вот последняя страница его показаний и та самая «подпись».

10-916-6

Доктор тут же выхватил листок и стал внимательно разглядывать его со всех сторон. Он поворачивал его и так и эдак, подносил к глазам, пытался смотреть на свет и даже зачем-то нюхал.

— Вы забыли попробовать его на вкус, — тоненько засмеялся Ступорс, и как раз в этот момент доктор внезапно хлопнул себя рукой по лбу.

— Боже, какой я идиот! Это же просто, как репка!

— Что, что такое? — забеспокоился Ступорс. — Ничего не понимаю!

— Да тут и понимать нечего, — развел руками Одингот. — Надо еще раз проверить показания вашего «ценного» свидетеля.

Что вызвало сомнения знаменитого сыщика?

Сомнительный подарок

Под утро доктору Одинготу приснился удивительный сон. Будто бы летит он на самолете какой-то допотопной конструкции и вдруг видит пролетающую мимо на помеле ведьму поразительной красы. Ведьма сладострастно улыбается и тянет к доктору свои губы, которые, постепенно удлиняясь, превращаются чуть ли не в хобот. Объятый неожиданной страстью, Одингот бросает штурвал и тянется к хоботу навстречу, едва не вываливаясь из пилотской кабины. И в тот самый момент, когда губы влюбленных соединяются, раздается страшный звон и ведьма на своем помеле с диким воем срывается в штопор. Прощай, любимая, успел подумать несчастный доктор и... проснулся.

Прямо над ухом оглушительно дребезжал телефонный звонок. Кто-то отчаянно домогался Одингота, бесцеремонно вторгаясь в его личную, пусть и виртуальную, жизнь.

— А вдруг это она? — стукнуло в голове не совсем еще проснувшегося сыщика, и он машинально протянул руку к трубке.

— Доброе утро, доктор! — ласково проскрипела трубка до боли знакомым голосом инспектора Ступорса. — Поздравляю с днем рождения!

— Какой еще день рож... — начал было доктор, но тут же все вспомнил. — Ах, да. — От огорчения трубка чуть не выпала из вмиг ослабевшей руки Одингота. Стоило только представить вереницу родных и знакомых с неизменно глупыми подарками и еще более глупыми поздравлениями. — Спасибо, инспектор, — обреченно пробормотал он, — я надолго запомню этот ваш звонок!

— О-о, это что! — радостно закудахтал Ступорс. — Мы с ребятами из управления приготовили вам такой подарок. Закачаетесь!

— Я уже предвкушаю, — почти застонал именинник. — Наверно, история нашего полицейского управления за последние сто лет?

— А вот и нет, — захихикала трубка. — Это старинная монета.

— Монета? — поразился доктор, известный своей страстью к нумизматике.

— Ну да, — заливался Ступорс на другом конце провода. — И очень редкая. Итальянская. Причем юбилейная. Издана в год 2000-летия Юлия Цезаря. Кстати, вы знаете, что император родился в сотом году до Рождества Христова?

— Разумеется, — буркнул Одингот. — А почему они так поздно спохватились с юбилеем?

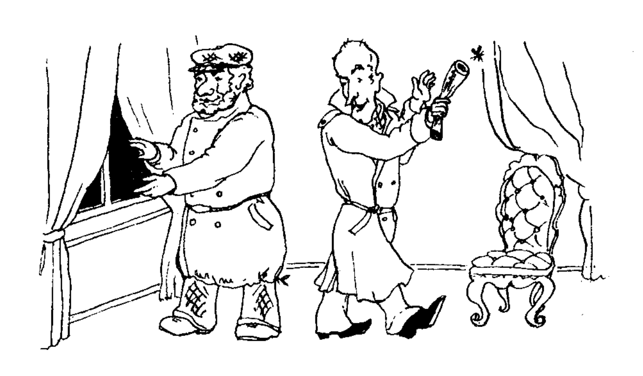
— Не знаю, — журчал Ступорс, — но на монете так и написано: «1900 г. — 2000 лет со дня рождения Цезаря». Коллекционер, что продавал ее, сказал, что эта монета уникальна и сначала заломил безумную цену. Но я его уломал, — продолжал тараторить инспектор, — и он уступил ее за 4000 доблей. Мы с ребятами скинулись, и теперь она у меня. А через час будет сиять в вашей коллекции!

— А вы запомнили приметы этого вашего коллекционера? — вкрадчиво поинтересовался доктор, неожиданно прерывая Ступорса.

— То есть? — обиделся тот. — Вы что можете определить подлинность монеты по телефону?

— Это как раз тот самый случай. Так что боюсь, что ваш подарок будет сиять в коллекции подделок.

Почему знаменитый сыщик усомнился в том, что монета настоящая?

Угорь в сундуке

Суперсовременная тюрьма Святого Пантелеймона, прозванная в народе «сундуком», считалась образцовой и полицейскими, и уголовниками. При этом руководство тюрьмы особенно гордилось тем, что за 10 лет ее существования не было сделано ни одной попытки побега. «Нашим клиентам так нравится здесь, — любил повторять начальник «сундука», — что они не побегут отсюда и при открытых запорах».

Поэтому побег заключенного W314, известного афериста по кличке Угорь, прозвучал как гром среди ясного неба. Поднятые по тревоге спецподразделения два дня прочесывали окрестности «сундука», но безрезультатно. Были проверены адреса всех знакомых и род-

ственников Угря, но с тем же успехом. В конце концов, инспектор Ступорс и доктор Одингот, расследующие дело о побеге, решили навестить расположенный в жуткой глуши охотничий домик беглеца.

Трясясь в полицейском джипе, Ступорс рассказал Одинготу, что в радиусе десяти километров от берлоги Угря никто не живет и уже несколько месяцев, с момента поимки ее владельца, здесь не ступала нога человека. Подъехав на место, сыщики увидели приземистый кирпичный домик с наглухо закрытыми ставнями.

Оставив сержанта Гризли с двумя полицейскими снаружи, доктор и Ступорс осторожно поднялись по скрипучим ступенькам крыльца. Немного повозившись отмычкой в замке, Ступорс распахнул тяжелую входную дверь.

— Прошу вас, — он сделал приглашающий жест, предусмотрительно пропуская коллегу вперед. Усмехнувшись, доктор Одингот решительно зашел внутрь и, пошарив рукой по стене, щелкнул выключателем.

Помимо маленькой кухни в домике еще была комната, скромно, но со вкусом обставленная. Удобный стол ручной работы, старинный венский стул с гнутыми ножками, пышная кровать, покрытая белоснежным покрывалом,

тяжелые шторы на единственном окне, книжная полка, украшенная «Уголовным кодексом», и часы на стенке. Давно застывшие стрелки показывали три часа.

— Интуиция подсказывает мне, что здесь кто-то есть, — пробормотал Одингот, беспокойно оглядываясь по сторонам.— Вы как всегда правы, доктор, — тоненько засмеялся Ступорс, кивнув головой на комара, беспечно отдыхающего на изящных обоях прямо перед ними. — Но сейчас мы будем снова одни. — Резко взмахнув свернутой в трубку газетой, инспектор прихлопнул задумавшегося пискуна, после чего брезгливо стряхнул на пол его окровавленные останки.

— Если бы мы ловили сбежавших насекомых, — еще больше нахмурился Одингот, — вам бы, Ступорс, цены не было. Но я уверен, что Угорь здесь.

И в ту же секунду кто-то сдавленно чихнул сбоку. Мгновенно обернувшись, доктор одним движением отдернул малиновую штору.

На подоконнике, скрючившись, стоял тщедушный человечек с быстрыми испуганными глазами.

— Маэстро Угорь собственной персоной! — торжественно объявил Одингот и как заправский фокусник поклонился.

— Браво! — захлопал в ладоши пораженный Ступорс. — Но как вы догадались, что этот проходимец все-таки здесь?

— По двум причинам, — охотно начал объяснять Одингот. — Во-первых, ...

Что хотел сказать доктор Одингот?

Отвергнутый жених

На двадцатилетие своей свадьбы инспектор Ступорс пригласил коллег-полицейских и, конечно, доктора Одингота. Однако знаменитый сыщик всегда избегал шумных застолий и поэтому решил придти пораньше, поздравить «молодоженов», после чего удалиться под благовидным предлогом.

Явившись за час до назначенного времени, доктор вручил чете Ступорсов шикарные подарки, произнес все необходимые поздравления и, извинившись, стал раскланиваться. Прощаясь с хозяевами, он умело закруглял утомительные церемонии комплиментами. Лучезарно улыбаясь Брунгильде, жене Ступорса, Одингот постепенно отступал к прихожей.

— Представляю, — не удержался он напоследок, вспомнив занудный характер педан-

тичного Ступорса, — насколько романтичным было ваше знакомство.

Хозяйка почему-то покраснела, а доктор уже жал руку инспектору:

— Не сомневаюсь, что вам пришлось в свое время отбить прекрасную Брунгильду у множества конкурентов.

— Не скажу, что их были толпы, — скромно потупился честный Ступорс, — но был один очень настойчивый жених. Брунгильда даже собиралась за него замуж. Но он оказался ненормальным, и тут появился я. — Инспектор гордо выпятил свою хилую грудь.

— Признайтесь, — весело подмигнул ему доктор, устремляясь к вешалке, — это вы внушили невесте, что ее жених ненормальный.

Самолюбие Ступорса было уязвлено.

— Вы что, не верите мне? — он уцепился за рукав Одингота, мысленно уже сидевшего в любимом баре. — Брунгильда, покажи-ка доктору то последнее письмо Солитерция, которое он прислал тебе незадолго до вашей так и несостоявшейся свадьбы.

Брунгильда опять покраснела, но послушно принесла листок бумаги, разукрашенный с одной стороны сердечками.

— Мне, право, неудобно, — затосковал Одингот, снова вспомнив манящий полумрак бара. — Чужие письма, чужие страсти…

— Нет, нет, — упорствовал Ступорс, — вы все-таки прочтите. Это дело прошлое, и мы с женой не делаем из этого тайны.

— Ну, ладно. — Одингот обреченно взял письмо. Крупным почерком там было написано:

Мой милый Брунчик!

Очень тоскую без тебя. С нетерпением жду твоего приезда. Без устали целую твои нежные пальчики — все двадцать пять на одной ручке и столько же на другой, да десять на изящных ножках.

Твой Солитерчик

— Ну что? — Ступорс заранее улыбался. — Этот ненормальный явно принимал мою Брунгильду за сороконожку. Вы видите теперь от какого психа я спас свою жену?

— Ваш подвиг наверняка оценен по заслугам, — двусмысленно поддакнул Одингот, снова пробираясь к выходу. — Но насчет психа я все-таки не уверен. Боюсь, что проблема несчастного Солитерция в другом.

Что имел в виду доктор Одингот?

Кипящие стихи

Март всегда был любимым месяцем доктора Одингота. Весеннее солнце, волнующие запахи, неясные надежды… Было от чего прийти в хорошее настроение.

Сияя улыбкой, Одингот открыл дверь полицейского участка. Первое, что он увидел, — постная физиономия инспектора Ступорса, печально глядевшего в окно.

— Вам не нравится весна? — доктор бодро подошел к страдальцу. — Или какие-то неприятности?

— Да-а, — безнадежно махнул рукой Ступорс, — псих один замучил.

— Кстати! — еще шире улыбнулся Одингот. — Вот вам свежий анекдот про психов. «Из кабинета психиатра выходит пациент. Тут же туда вбегает взволнованная жена больного.

— Доктор, ну что с моим мужем? — спрашивает она.

— Не волнуйтесь, он абсолютно здоров!

— Да, но вчера он прибежал домой и сообщил мне, что собаки идут по улице под раскрытыми зонтиками.

— Ну и что? — удивился врач. — Разве вы не помните, какой вчера был ливень?»

Ступорс очень внимательно выслушал анекдот, но даже не улыбнулся. Казалось, он пытался отыскать в этой бородатой шутке решение какой-то трудной и серьезной задачи.

— Вам тут легко смеяться, — проскрипел он, с завистью глядя на беспечно улыбающегося Одингота, — а на меня тут одно глупое дело повесили.

— О-о! — обрадовался Одингот. — Обожаю глупые дела! Это последнее прибежище профессионалов. Ну-ка рассказывайте!

— Да все очень просто, — вздохнул Ступорс, — и в то же время загадочно. Недалеко отсюда, на улице Опавших листьев живет один полубезумный поэт Мандель Штамп. Как нам удалось выяснить, три дня назад он отнес свою новую «гениальную» поэму «Настоящер» в редакцию солидного литературного журнала. Какой-то там сотрудник редакции бегло просмотрел «шедевр» и сказал, что журналу «это» не подходит. Разъяренный поэт удалился, держа

под мышкой поэму. После этого он засел в своей «мастерской» — это такая маленькая квартирка, в которой он творит или приходит в себя после отказа в очередной редакции. И надо же было так случиться, что вчера тот самый литератор, который отверг «Настоящера», проходил под окнами Штампа. Обрадованный «гений» высунулся из окна второго этажа и плеснул на лысину обидчика кипятком, который у него случайно в этот момент оказался под рукой.

— И попал? — нахмурился Одингот.

— Нет, промахнулся, но немного ошпарил руку критика. Взглянув вверх, бедняга увидел злорадную физиономию поэта, который уже закрывал окно. Мгновенно все поняв, он ринулся наверх и через две секунды ломился в дверь безумца. Тот, конечно, не открывал, но, к счастью, по улице как раз проходил сержант Гризли из нашего участка. Услышав шум он поднялся по лестнице и вдвоем с пострадавшим они заставили-таки Манделя открыть дверь. Как ни странно, тот был спокоен и на все обвинения только загадочно улыбался, а затем и вовсе сказал, что он тут ни причем и что у него, дескать, есть алиби.

— То есть, — не понял Одингот, — какое еще алиби в такой ситуации?

— Этот самый Штамп заявил, что его каморка абсолютно пуста и он никак не мог вски-

пятить воду в имеющихся условиях. И действительно, вся его квартирка — это одна голая комната, в которой есть только газовая горелка и умывальник. Никакой мебели и посуды. Лишь на полу циновка и стопка листов с текстом злополучной поэмы, да шариковая ручка. Так что ему не только не в чем вскипятить воду, но даже некуда ее налить. Пришлось отпустить поэта, хотя обожженный критик рвал и метал от ярости. И дело, стало быть, не закрыто.

— Быть может, он выбросил кружку или чайник на улицу? — поинтересовался Одингот.

— Исключено! — отрезал Ступорс. — Мы обшарили тротуар под окном мастерской. Ничего. Он не успел бы что-нибудь выбросить и на лестницу.

— А почему, собственно, этот ваш Мандель Штамп не держит в мастерской никакой мебели? — снова улыбаясь, спросил доктор.

— Этот псих уверяет, что «вещи мешают ему парить над землей на крыльях поэзии».

— Мне кажется, он не такой уж и псих. Во всяком случае его алиби не очень убедительно. Он запросто мог вскипятить воду.

Что имел в виду доктор Одингот?

Ответы

Карты в руки

— Дело в том, что ваш ловкий обидчик использовал лишь часть карт из обычной колоды.

— Да, я тоже заметил, что стопка карт была тоньше обычной раза в два, но не понял почему, — вставил Босси, внимательно слушавший Борга.

— Все очень просто. Он выкинул из колоды полностью симметричные карты и оставил лишь те, которые можно как-то ориентировать.

— Что, что? — не понял Глум. — Отремонтировать?!

— Да нет, — расстроился Борг, — ориентировать. Я имею в виду, что некоторые карты в колоде можно повернуть так, что большая часть пик, треф или червей на них будет смотреть в одну и ту же сторону. Например, можно повернуть семерку пик так, что пять из семи пик, нарисованных на этой карте, будут смотреть, скажем, от нас, а остальные две — к нам.

Так вот, мошенник заранее сориентировал эти карты так, что все они «смотрели» в одну

сторону. Выбрав какую-то карту и обойдя вокруг стола, вы изменили ее ориентацию на противоположную. Тасовка уже ничего не меняла. Ему оставалось только определить карту, изменившую ориентацию.

— Ловко придумано! — восхитился комиссар Босси.

— А я ничего не понял! — раздраженно проворчал Глум.

— Давайте я вам покажу на практике, — оживился инспектор, повернувшись к столику.

Но ни столика, ни его долговязого владельца уже не было.

— Да, он действительно ловкий парень, — засмеялся Борг. — Но ничего, сержант, у меня в управлении как раз есть колода. Пойдемте, я покажу вам, как это делается. В конце концов, сорок доблей это не так уж и много.

И он весело подмигнул побагровевшему от досады Глуму.

Незваные гости

— Да, все это так, — улыбнулся инспектор, — тем более, что мне известно про вашу фотографическую память. Но вы не заметили одной маленькой детали.

— Что еще за деталь? — Глум был явно обескуражен.

— Посмотрите на вашу розу. Она только недавно раскрылась, но, как ни странно, цветок

повернут не к солнцу, как и должно быть, а к двери. Это значит, что кто-то переставлял его, для того, чтобы порыться в моих записях, а потом аккуратно поставил обратно, в спешке повернув другой стороной. Ну а кто это мог сделать, и кому это выгодно, я уже сказал.

Ограбление коллекционера

— Инспектор! — простодушное лицо сержанта вытянулось от изумления. — Почему вы не верите господину Голдау?

— Потому что синяк у него под правым глазом.

— Ну и что? — хором воскликнули сержант и коллекционер.

— Если бы все было так, как рассказываете вы, господин Голдау, ваш синяк находился бы под левым глазом. Ведь мифический грабитель шел вам навстречу, зонтик из левой руки бросил уже после удара. Значит, бил правой, — попасть он должен был только в левый глаз.

Прерванный завтрак

— А я уверен, что Однорукий Гоу здесь и только что завтракал, — не унимался инспектор.

— Да с чего вы это взяли? — удивился сержант. — Мы же здесь всего две минуты.

— Все очень просто, — улыбнулся Борг. — Судя по тому, в какой руке Гоу-млад-

ший держит кисть, он — правша, а судя по тому, с какой стороны ножа масло, пользовавшийся им был левшой. Значит, в квартире есть кто-то еще, и этот кто-то — левша. А ведь мы с вами знаем, что Однорукий Гоу может работать только левой рукой. Остальное ясно.

Смертельный сон

— Да, — выслушав эту мрачную историю, снова повторил инспектор, — старина Лайерс и впрямь был очень колоритной фигурой, вот только один недостаток...

— Да что вы заладили про этот недостаток? — не выдержал Глум. — Что вы имеете в виду?

— Ничего особенного, — Борг вовсю улыбался. — Просто сержант Лайерс очень любил приврать.

— С чего вы это взяли? — не унимался Глум.

— Да вы подумайте сами. Если Чанк действительно умер во сне, то откуда же было известно, что ему снилось.

— А ведь верно. — Глум восхищенно щелкнул пальцами. — Как я сам не догадался! Ну и дока же вы, инспектор! Хотя, постойте, постойте... — сержант подозрительно посмотрел на напарника. — А как же тогда быть с вашей историей?! Откуда вы могли узнать про

тень и так далее? И, кстати, от кого вы все это услышали?

— Сержант Глум, — строго кашлянув, инспектор попытался скрыть смущение, — вы совсем забыли про нашу работу!

И, прикрывшись газетой, инспектор Борг стал пристально вглядываться в старинное здание на другой стороне улицы.

Тухлая репутация

— Какое это имеет значение? — раздраженно огрызнулся Совракис, ожесточенно стирая влажной салфеткой большое желтое пятно на виске. — Ваше дело упечь Айриса Непера за решетку, а не интересоваться его кулинарными пристрастиями.

— Насчет яиц вы, пожалуй, правы. Это действительно не так уж важно. А вот в отношении вашего бывшего соратника, боюсь, вы сильно ошибаетесь, и его придется отпустить.

— Что такое?! — взревел Совракис. — Вы покрываете государственного преступника?!

— Вовсе нет. — Кажется, Борг наслаждался возмущением виртуального демагога. — Просто он никак не мог попасть яйцом, простите, тухлым яйцом, — ехидно поправился он, — в ваш правый висок, если вы все время смотрели прямо на него. Так что бросал кто-то другой.

Заметив замешательство Совракиса, инспектор весело обернулся к Глуму:

— Пойдемте, сержант. Нам тут делать нечего. Политика, — он еще раз оглянулся на зловонное пятно на костюме Савракиса, — и впрямь очень грязное дело.

Зуб за зуб

— И все-таки нам придется арестовать вас.

— Мне этот тип тоже не нравится, — вмешался Глум, — но я не понял, на чем вы его подловили.

— Все очень просто. Наш новый «друг» никак не мог знать, что доктор Менгель — дантист.

— О, какой же я болван! — с досады бледнолицый даже стукнул себя по лбу. — Попасться на такой мелочи. Да, — добавил он со вздохом, — я отомстил садисту Менгелю.

— Но за что? — удивился Борг.

— Я почти час терпел его издевательства над одним зубом. Но когда он, покончив с ним и перейдя к другому, вырвал мне по ошибке не тот зуб, я уже не выдержал.

— Кажется, я его понимаю, — сочувственно произнес Глум и повернулся к Боргу. — А как вы вычислили его в сауне?

— Ну это было еще проще. После парилки лицо не может быть бледным. А вот как вы его вычислили? Вы ведь тоже заметили этот нюанс с цветом лица?

— Да нет, — усмехнулся сержант, — бедняга единственный сидел в кроссовках, все остальные были босыми.

Красные таблетки

Уловив иронию в словах Борга, Глум разъярился:

— Вечно вы никому не верите! Но я-то сам слышал эту историю от своего родича!

— Не сомневаюсь в этом, — мягко возразил инспектор, — я лишь не верю в искренность вашего троюродного кузена.

— Но почему? — одновременно спросили сержант и Босси.

— Да потому, — улыбнулся инспектор, — что собака, даже самая умная, не умеет различать цвета и поэтому не может отличить красную таблетку среди кучи других таблеток разных цветов.

Неудачная помолвка

— Что вы такое говорите?! — возмутился Глум. — Это очень достойный молодой человек...

— Даже не очень достойный молодой человек, — откликнулся инспектор, — должен знать, что в 1916 году война еще не могла называться первой мировой.

— То есть, вы хотите сказать, — перевел Борг, — что среди присутствующих в этой комнате нет человека, принимавшего участие в ограблении банка «Надежный»?

— Да, — неожиданно нормально ответил Лукофаций, — именно это я и хотел сказать.

— А мне кажется, что вы не только узнали Профессора, но и сами замешаны в этом деле.

— Я вас не понимаю, — растерянно пробормотал сразу побледневший поэт и в сильном волнении плюхнулся на заботливо подставленный Глумом табурет.

— Все очень просто, — улыбнулся Борг. — Вам, конечно, известен художественный салон «Подвал № (-1)», который организовал художник и меценат Са Шабел. Однажды я случайно заглянул туда и услышал выступление еще более безум..., простите, еще более авангардного поэта. Кажется, его звали Герси де Фейн. Так вот, мне запомнилось, как этот самый де Фейн читал свой заумный «озарень»:

ОЗАГР
ЛЕННО
МЕД
КОЯБЛО
ДАЕТ
ПА...

Потом оказалось, что слова в этой загадочной фразе получаются из обычных слов путем многократного повторения. Например,

ОЗАГРОЗАГР ... ГРОЗА

ЛЕННОМЕДЛЕННОМЕД ... МЕДЛЕННО

и так далее. Поэтому вся эта абракадабра означала всего лишь: «Гроза. Медленно падает яблоко...»

Когда я услышал ваше приветствие, то вспомнил этот прием и попытался применить его здесь. И у меня получилось...

— Постойте, постойте! — оживился Глум, задремавший было в начале лекции о поэзии. — Дайте я сам попробую. ЧИМОЛЧИМОЛ... — получается МОЛЧИ! Здорово! — поразился он. — А что там было дальше?

— Молчи! Тогда тебя вызволят! — неожиданно признался Лукофаций и сокрушенно добавил: — Никогда бы не подумал, что в нашей полиции есть любители современной поэзии.

— Ничего, теперь они будут и среди наших заключенных, — весело добавил сержант Глум, доставая наручники.

Счастливая купюра

— Успокойтесь, старина, — рассмеялся инспектор, — все покупатели абсолютно нормальные люди. Сделаю одну подсказку: каж-

дый из нас ни за что не купил бы купюры, предложенные другим.

— А-а, — вдруг воскликнул комиссар Босси, — я, кажется, догадался, в чем тут дело. Раз каждому из купивших подходила только одна конкретная купюра, а они отличаются только номерами, значит, дело тут в их номерах.

— Верно, — согласился Борг. — Теперь осталось понять, чем этот номер был близок каждому из нас.

— Вот это-то как раз и непонятно, — огорченно развел руками комиссар.

— Вы забыли, — улыбнулся инспектор, — что позвонивший всем нам человек не знал никого из нас. Спрашивается, откуда он узнал наши телефоны?

— Карамба! — Босси даже стукнул с досады огромным кулаком по столу, подняв целую тучу встревоженных мух. — Как же я сразу не догадался! Ведь и там, и тут шестизначные числа! Этот авантюрист просто звонил по номеру, обозначенному на купюре, и предлагал снявшему трубку купить всего за пять доблей уникальную купюру в один добль с таким же номером на ней. Естественно, что многие соглашались.

— Именно так, — подтвердил Борг. — Гениальный способ добывания денег из ничего.

Ведь здесь годится любая бумажка в один добль.

— Как, как вы говорите, инспектор? — неожиданно воодушевился Глум, и в его глазах блеснул хищный огонек. — Подходит любая купюра?

И он тут же заторопился к выходу, на ходу доставая бумажник. — Прошу прощения, инспектор, мне надо на минуту отлучиться. Я вспомнил про одно срочное дело.

И он выскочил за дверь под дружный хохот комиссара и инспектора.

Умные пальцы

— Ну, ладно, — согласился Борг, слегка покраснев. — Не будем об этом. Главное в другом. Вы заметили, что после «прочтения» пальцами маг всегда разворачивал записку и прочитывал ее глазами?

— Ну да, чтобы убедиться, что все правильно.

— В этом-то и состоит разгадка! А если добавить, что блондинка, как я думаю, работает заодно с магом, то все становится ясно.

— Мне пока ничего не ясно, — проворчал Глум, инстинктивно дотронувшись до кармана с бумажником. — При чем тут то, что он читал записки и глазами? Ведь это было после «чтения» пальцами.

— В том-то и дело, что нет. Ощупывая первую записку пальцами, он сделал вид, что прочитал ее, а на самом деле произнес заранее подготовленную фразу: «Я не верю в эту чепуху!». Соучастница мага, та самая блондинка, «призналась», что она написала эту фразу. Тогда маг, якобы желая лично убедиться в правильности «прочтения» пальцами, достал записку, якобы написанную блондинкой — а на самом деле это была ваша записка! — и про себя прочитал ее и запомнил. Затем, нащупав в мешке следующую записку, произнес вслух вашу фразу про блондинок и снова, как бы желая убедиться в правильности своего «прочтения», развернул и прочитал ее про себя. Ну и так далее. Последней он достал особо помеченную (ну, например, согнутую пополам) записку блондинки.

— Да, хитро придумано, — согласился Глум, непонятно кого имея в виду. — Но я поверю в эту версию только если убедюсь, что моя красотка играет в одной команде с этим чертовым магом.

— А вы посмотрите туда, — с усмешкой посоветовал инспектор, указывая на полуприкрытый вход в шатер. В глубине помещения Глум отчетливо увидел мага, что-то деловито обсуждающего с блондинкой. Даже с такого

расстояния сержанту было понятно, что они хорошо знакомы.

— Эх, — сокрушенно вздохнул Глум, доставая из бумажника проигранные деньги, — никогда больше не буду верить ни чудесам, ни женщинам.

Исчезающий багаж

— Тогда готовьте деньги. Я понял, в чем тут дело. Только сначала скажите мне, не был ли этот ваш багажный аферист когда-нибудь связан с торговлей мороженым?

— Как вы догадались?! — казалось, даже уши человечка вытянулись от удивления. — Действительно, на одной из предыдущих работ он торговал мороженым.

— Я так и думал, — облегченно вздохнул Борг. — Хотя эта деталь совсем не обязательна. Правда, отгадка связана с мороженым, потому что я уверен, что в ящике был сухой лед.

— Ну да, твердый диоксид углерода, — продолжил он, видя застывшие лица обоих. — Каждый раз Шпански сдавал наглухо закрытый тяжелый ящик с сухим льдом. Затем, поскольку ящик был слишком тяжел для приемщика, сам относил его на полку и там незаметно открывал заслонку на отверстии в задней стенке. В итоге лед незаметно и бесшумно испарялся, не оставляя следов.

— Гениально! — непонятно кого имея в виду, воскликнул человечек. — Теперь действительно все ясно, и вы получите ваши деньги. Но как же нам сейчас доказать вину Шпански и вернуть деньги?

— Очень просто, — охотно начал объяснять инспектор, но его тут же перебил алчный Глум:

— Это действительно очень просто, но это будет стоить еще 20 000 доблей вашей компании. Ведь вы требовали лишь покончить с секретом мошенника, а не с ним самим.

И он широко улыбнулся обескураженному представителю компании.

Летающая тарелка

— Скорее всего, — неожиданно очнулся Борг, отгоняя клубы дыма от своей многострадальной головы, — их и вовсе не было. А этот знакомый Глума — большой шутник. И к тому же неплохо заработал на доверчивости сержанта.

— Вы не верите своей любимой газете? — комиссар лукаво посмотрел на Борга.

— Я ей обычно верю, но не 1-го апреля. А этот материал должен был выйти как раз 1 апреля. Судите сами, репортер говорит, что встреча с тарелкой произошла «ровно три недели назад», а из «доклада» военных мы узна-

ем, что это событие случилось 11 марта. Отсчитайте от этого числа три недели, и вы получите 1 апреля.

— Но не это главное, — продолжил Борг, жестом остановив Глума, который, выпучив глаза, собирался что-то возразить. — Кстати, у вас потухла сигара, — заметил он застывшему в кресле комиссару. — Главное, — повторил инспектор, — в другом. Если верить репортеру, записка лысых пленников с Земли была написана обыкновенной шариковой ручкой, а в невесомости нельзя писать ни перьевой, ни шариковой ручкой.

Новогоднее дело

— Не дергайтесь, — успокоил его Борг. — Я думаю ему ничего не угрожает.

— Как это?! — опешил Глум и машинально плюхнулся в кресло. — Я ничего не понял.

— Да все очень просто. Обратите внимание, провода от бомбы не соединены с часовым механизмом. Так что бомба не взорвется.

Глум тут же склонился над фотографией и стал водить пальцем по проводам.

— Точно! — подпрыгнул он от восхищения. — И как это вы сразу заметили.

— Но это еще не все, — спокойно продолжал Борг. — Пока вы бегали за конвертом, я вспомнил, что Геба — это богиня вечной юности у древних греков. Ясно, что похорон-

ное бюро с таким кощунственным названием не может процветать. Поэтому я понял, что заложник — один из террористов.

— Здорово! — снова воскликнул Глум, собираясь еще что-то спросить.

Но тут опять зазвонил телефон.

— Дайте я, — опережая инспектора, Глум бросился к аппарату.

— Ну что, ученая клизма! — без церемоний прокричал он в трубку. — Мы тебя раскусили. Тебя и твоего дружка-заложника. Можете взрывать друг друга сколько угодно. Чтоб вас обоих разорвало! — не удержался напоследок Глум и с торжественным видом бросил трубку на рычаги. — Кстати, инспектор, уже без пяти двенадцать. Не пора ли нам доставать шампанское?

— Самое время, — заулыбался Борг, открывая холодильник. — Да, я забыл у вас спросить, за что вы арестовали этого самого Ры Сигея.

— Он выпустил бегемота из клетки в нашем зоопарке...

И оба сыщика одновременно расхохотались.

Отверженная купальщица

— Это такой же искусствовед, как и вы, — засмеялся Борг, уводя Глума подальше от опасного места. — К тому же оба этих мошенника в сговоре.

— С чего вы взяли? — сразу насторожился сержант, зная, что Борг редко ошибается. — Вроде бы все без обмана.

— На взгляд дилетанта. Но даже самый дремучий искусствовед знает, что акварельные рисунки делаются на специальной бумаге, и никогда не назовет акварель холстом.

— Да? А я и не знал ничего такого, — расстроился Глум.

— Ничего страшного, в полицейских академиях такого не проходят, — успокоил его инспектор и тут же предложил: — Ну что, посмотрим другие картины?

— Нет уж! — отрезал Глум, в последний раз оглянувшись на соблазнительную купальщицу. — Хватит с меня искусства. Лучше уж я куплю Матильде горные лыжи.

И он решительно зашагал к выходу из парка.

Пропавшая дама

Но тут зазвонил телефон, и Борг машинально поднял трубку.

— Инспектор Борг? — донесся рокочущий басок комиссара Босси. — Ну что, нашли что-нибудь?

— Да так, ничего особенного. Но теперь я, как и сержант Глум, считаю, что выкуп нельзя выплачивать ни в коем случае.

— Вы тоже стали тещененавистником? — поразился на том конце провода Босси.

— Да нет, — улыбнулся Борг. — Просто я понял, что похищение инсценировано самой госпожой Горгонией.

— Но это невозможно! Она, в общем-то, вполне достойная женщина, хотя и помешана на деньгах. Объясните, в чем дело.

— С удовольствием! Меня сразу же насторожило, что размер выкупа в точности соответствует той сумме, которой недоставало вашей теще до вожделенного миллиона. Вряд ли такое совпадение могло быть случайным. К тому же, осматривая квартиру сейчас, во второй половине дня[1], то есть через много часов после «похищения», я обнаружил замечательно чистую, просто стерильную клетку с морской свинкой. Зная, как часто они гадят, я понял, что клетку мыли совсем недавно. Тут я и убедился окончательно, что никакого похищения не было.

Таинственная записка

С минуту инспектор пристально вглядывался в записку, а потом неожиданно вскочил с места:

— Надо срочно усилить охрану Громилы Бульда. Иначе завтра он может снова оказаться на свободе.

---

[1] Обратите внимание на первую фразу рассказа.

— Инспектор, — ухмыльнулся Глум, — не хотите ли вы сказать, что смогли утереть нос ребятам из шифровального отдела?

— Именно это я и хочу сказать. Смотрите! — Борг положил записку на стол. — Специалисты из контрразведки полагают, что здесь две строчки зашифрованных букв. Я же сразу заметил, что под каждым «словом» первой строки стоит «слово» второй строки из того же числа знаков. Тогда мне пришла в голову мысль, что на самом деле перед нами каждый раз не два разных зашифрованных слова, а половинки одного и того же.

Осталось мысленно соединить обе строчки и получить ответ: «ПОБЕГ В СРЕДУ». Вот, полюбуйтесь!

Сержант и девушка склонились над столом. Инспектор, несомненно, был прав.

— Вы — гений! — выдохнула Лиана, с обожанием глядя на инспектора и кокетливо поправляя прическу. — Я и не знала, что у нас в управлении работают такие мужчины!

— Я всегда говорил, — вздохнул Глум, отрываясь от записки, — что инспектору платят слишком мало.

— Впрочем, и мне тоже, — добавил он чуть позже.

Хитроумная посылка

Сержант оказался прав — ответ он узнал только в день своего рождения.

Ровно за день до юбилея недовольный хогобогский почтальон вручил изумленному сержанту небольшой металлический ящик, закрытый на внушительный амбарный замок.

— Инспектор так ничего и не понял! — в сердцах выругался Глум. — Ключа-то от этого замка у меня нет. Придется тащить этот маленький гроб обратно.

Однако до этого не дошло. Уже на следующий день еще более мрачный почтальон передал сержанту точно такой же ящик с замком. Впрочем, было и отличие. Судя по всему, ящик был пуст, однако на дужку замка был надет большой ключ с причудливой бородкой.

Даже такой тугодум, как Глум, догадался, что это ключ от первого замка.

Сгорая от нетерпения, сержант с трудом вставил ключ в замок.

На дне первой посылки он нашел роскошно изданный том популярной серии «Библиотека сержанта».

Золотыми буквами на обложке было вытиснено название «3000 задач на смекалку для начинающих»...

Нападение на антикварную лавку

Близорукий человек, глядя в зеркало, не может разглядеть далеко находящиеся предметы, например, номер машины.

Неудачное свидание

Последние слова Борг произнес уже в дверях, на ходу напяливая пальто.

За минуту до встречи он уже подходил к памятнику Казанове, обозначенному в «шифровке». Кроме стоящей к нему спиной пухлой женской фигуры в красном плаще там никого не было.

— Математильда? — почему-то шепотом робко произнес он в спину неизвестной.

— Попался, голубчик! — зловеще проскрипела фигура и резко обернулась. Вместо обаятельной интеллектуалки с томиком Борхеса, прижатым к груди, прямо перед напуганным инспектором стояла... разгневанная Матильда с половником в руке.

— А-а, это вы, инспектор, — разочарованно протянула она. — А где же мой сексуальный маньяк?

— М-маньяк не п-пришел, — чуть заикаясь, глупо брякнул Борг, опасливо косясь на половник.

— Жаль, — расстроилась Матильда, убирая орудие мести в изящную дамскую сумочку.

— Он и не думал идти на встречу, потому что сразу догадался, что Математильда — это вы. — Приободрившись, инспектор стал спасать горе-напарника. — А меня послал специально, чтобы передать вам, что он не какой-ни-

будь там развратник. А еще, говорит, — все более вдохновляясь, продолжал врать Борг, — передай ей, что она просто умница. Надо же — записать время и место встречи теми же клавишами, но на английском языке.

— Да. «Сегодня. 17-00. У памятника Казанове. Красный плащ», — процитировала довольная собой Матильда и машинально поправила прическу.

— Лучше моей Матильды не сыскать — вот, что он сказал мне напоследок. — Борг был тоже доволен собой и вовсю улыбался.

— Он так и сказал? — просияла Матильда.

— Слово мужчины! — поклялся инспектор.

— Ну ладно. — Она вдруг заторопилась домой. — Пойду, приготовлю моему сержантику пироги с капустой. Он их так любит.

И Математильда, она же Матильда, бодро зацокала каблучками прочь от напарника своего мужа, съежившегося под насмешливым взглядом каменного Казановы.

Таинственная книга

— Не сомневаюсь в его способностях! — снова улыбнулся Борг. — Но в любом случае ему ничего не угрожает.

— Откуда вы знаете? — в один голос воскликнули Глум и Глоболонго.

— Все очень просто. — Борг уже начал одеваться. — Ваш таинственный посетитель в маске, господин маг, и был вашим секретарем. Он просто решил разыграть вас, вот и устроил весь этот маскарад. Не сомневаюсь, что горбун исчез вместе с чудесной книгой.

— Точно! — ахнул потрясенный Глоболонго. — И как же я сразу не догадался!

— Просто сегодня не ваш день. Не забывайте, что Стрелец в восходящем положении. Но не расстраивайтесь. По такому случаю приглашаю отведать отменного пива. И может быть, вы понравитесь мне уже после первой кружки.

Случай в горах

Чернила в сильный мороз должны были замерзнуть.

Перчатка и револьвер

На револьвере не осталось отпечатков пальцев, значит, это не самоубийство, а убийство. У Бэнга алиби, поэтому совершить преступление могли лишь сестры Кискас. Предположим, что это сделала Нейла. Тогда она либо стерла отпечатки пальцев на револьвере, но в этом случае непонятно, зачем ей перчатка, либо была в перчатках, что также исключается, поскольку ее пальцы усеяны перстнями. Следовательно, стреляла Лори, а затем подбросила перчатку сестры.

Криминальное блюдо

Астэр нес поднос на правой руке. Следовательно, он левша. С другой стороны, отняв руку от шишки на виске, Бэн протянул ее для рукопожатия. Значит, шишка была на правом виске, а сильный удар сзади по правому виску мог сделать только правша.

Непризнанный гений

21-я и 22-я страницы в любой книге — это две стороны одного листа, поэтому между ними ничего нельзя положить. Кроме того, доктор обратил внимание, что письмо было послано через 14 дней после 18 марта, то есть 1 апреля и, стало быть, было первоапрельской шуткой.

Игра вслепую

На самом деле гроссмейстер Матюгалис — это тот самый «ассистент». Понятно, что, видя позицию на доске, он без труда делал ответные ходы, которые (под видом ходов противника) передавал своему настоящему ассистенту, игравшему роль гроссмейстера.

Монеты для бульдозера

Бульдозер никак не мог знать, что похищены именно монеты, ведь Одингот сказал лишь, что похищена «уникальная древняя коллекция», но не сказал, что в этой коллекции.

Верное средство

Он догадался, что на голове у Обмишулера парик, под которым скрывается лысина. Сняв парик, он действительно выполнит условие договора — волосы клиента, какими бы они ни были, окажутся не хуже, чем у него.

Двое в масках

За час лед в бокале с мартини должен был бы давно растаять.

Криминальное трио

Доктор обратил внимание на то, что женщину душили спереди (иначе бы она не смогла ударить преступника коленкой в пах), а царапины были только с левой стороны шеи жертвы, то есть на правой руке преступника были длинные ногти. Как известно, гитаристы обстригают ногти на левой руке (чтобы зажимать лады), а пианисты на обеих. Поэтому преступник скорее всего — Крен Кусаки.

Смерть в особняке

Как следует из слов инспектора Ступорса, гильзы в комнате не было. Значит, это не самоубийство и труп был перенесен в японскую комнату из другого места. Судя по одежде убитой и времени, когда произошло преступление, Фрина была перенесена из спальни. Никого, кроме супругов Бормотелло в доме не было,

стало быть, убийство мог совершить только хозяин особняка. Очевидно, это было сделано для того, чтобы легче сымитировать самоубийство.

Удар в спину

Если бы Меер Завец был невиновен, то он бы не знал, где лежит библия. А увидеть и найти ее за минуту он не мог, ибо она была закрыта телом его жены.

Ювелирное дело

Доктор заметил, что если по-другому расставить пробелы в нижней части записки, то получится « …труба около Дома моды». Теперь уже легко восстановить и всю фразу: «Водосточная труба около Дома моды».

Туфли звезды

Как видно из фотографий один из туристов (тот, что третий слева) на выходе из зала, где хранилась реликвия, стал чуть выше, чем он был на входе. Он-то, скорее всего, и украл бесценные туфли, а затем просто надел их на себя.

Странный свидетель

Доктор обратил внимание на то, что если внимательнее вглядеться на телефонный номер, записанный Скабрези, и не обращать внимание на тире, то его можно прочитать и как слово ЛОЖЬ.

Сомнительный подарок

Дело в том, что от сотого года до Р.Х. до 1900-го после Р.Х. не 2000 лет, а 1999! Это объясняется отсутствием нулевого года в нашем летоисчислении. Поэтому, например, между пятым ноября 1-го года до Р.Х. и пятым ноября 1-го года после Р.Х. не два, а один год.

Угорь в сундуке

За несколько месяцев покрывало на кровати покрылось бы пылью и не могло быть белоснежным. Кроме того, убитый Ступорсом комар был с кровью, что также говорит о присутствии в доме человека.

Отвергнутый жених

Он имел в виду, что, по-видимому, Солитерций был не очень грамотным человеком. Поэтому-то он не поставил двоеточие после слова «двадцать». Тогда бы его фраза была вполне нормальной.

Кипящие стихи

Поэт мог вскипятить воду в бумажном стаканчике, который легко сделать из стандартного листа бумаги. Бумага при этом не загорается (можете проверить), но не потому, что «рукописи не горят», а в соответствии с законами физики.

Содержание